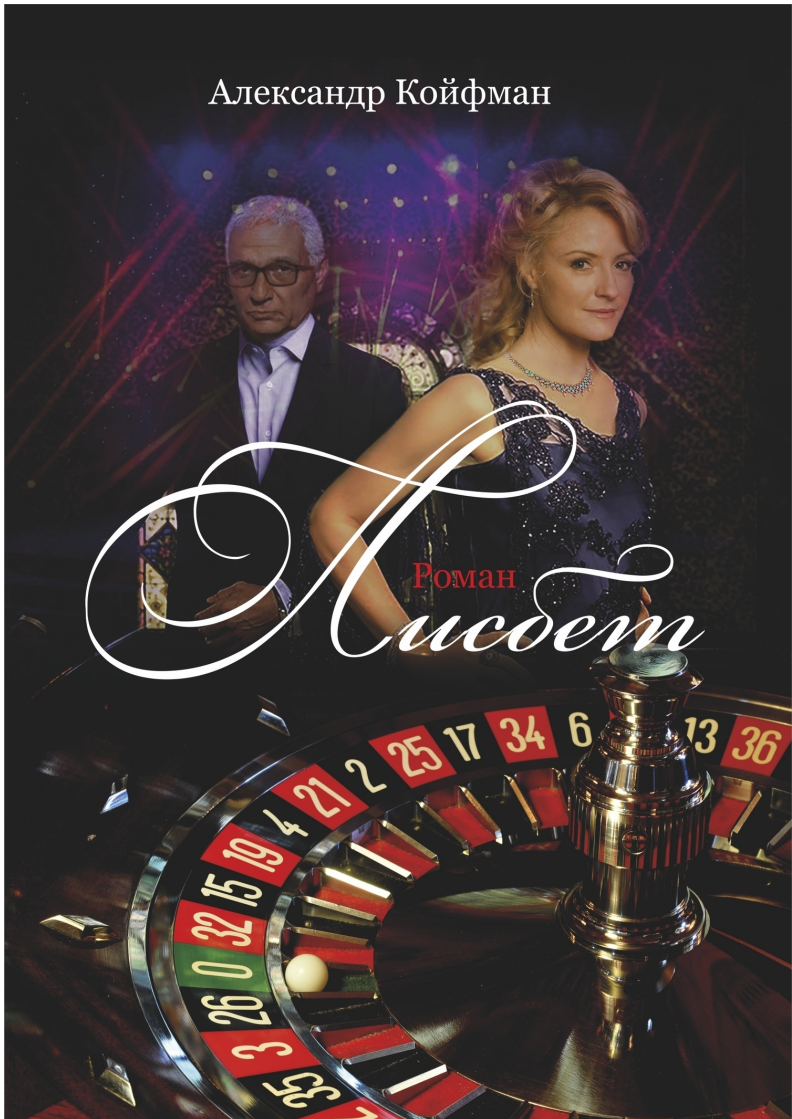

Александр Койфман

Роман
Исбедет

Александр А. Койфман

Лисбет

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39832057

Лисбет: Роман – Койфман А.: Свиньин и сыновья; Новосибирск; 2019

ISBN 978-5-98502-201-8

Аннотация

Немолодой израильтянин Андрей Шпильман – выходец из России, историк, знаток ювелирного дела. Его жизнь, казалось бы, уже давно вошла в спокойное русло. Но однажды он знакомится с состоятельной английской графиней Лисбет Колсберг. После недлительного знакомства Шпильман неожиданно для себя соглашается на предложение графини принять участие в сложной и небезопасной детективной работе. А вскоре после этого обнаруживает, что его судьба совершенно изменилась...

Содержание

Часть I	6
Незнакомка	6
Колье с бриллиантами	14
Палермо	19
Знакомство	23
Ресепшен	32
Первые секреты	37
Эмма	44
Слежка?	55
Снова секреты	61
Депрессия	68
Генуя	74
Развязка	79
Предложение	85
Часть II	88
Рим	88
Семья Зои	94
У Эммы	97
Грюнбах	101
Меч из замка Витсбург	105
Первые следы	112
Немного о жизни Лисбет	120
Пивной бар	126

Опасная прогулка
Конец ознакомительного фрагмента.

131

134

Александр Койфман

Лисбет

© Койфман А. А., 2019

© Хананова И. Н., Хананов В. А., оформление, 2019

Часть I

Колье

Незнакомка

22 октября 2014 года, среда.

Каюта была ничем не примечательна, разве что широкой остекленной дверью, выходящей на балкон. Собственно, из-за этого балкона я за небольшую доплату сменил при появившейся возможности восьмой этаж на четырнадцатый. На восьмом вместо двери и балкона – окно. Возможно, нужно говорить не этаж, а палуба, но я в морской терминологии не силен. Большую часть каюты занимает двуспальная кровать. У противоположной балкону стены сбоку сейф, совмещенный почему-то с холодильником. Ближе к балкону столик и два кресла.

Даже не переодевшись, только положив чемодан в шкаф, я вышел на балкон. Внизу, где-то очень далеко, еще входила в лайнер жиденькая струйка запоздавших пассажиров. Наклонился над перилами, чтобы рассмотреть, что делается внизу, поймать момент, когда начнут отдавать швартовые канаты.

Какие-то судорожные движения внизу продолжаются; вероятно, до отхода пройдет еще много времени. Выпрямляясь, я заметил, что слева на соседнем балконе стоит дама. Видна была только правая рука, которой она опиралась на поручни. Разглядеть остальное не удавалось, мешала перегородка между нашими балконами, да и не было особого желания рассматривать соседку. Я только обратил внимание, что на среднем пальце руки сверкало симпатичное кольцо с зеленым кабошоном. Цвет запомнил, но что за камень за те несколько секунд, в течение которых видел руку, понять не удалось. Да я и не пытался всматриваться в камень. Просто картинка руки, спокойно лежащей на поручне балкона, автоматически зафиксировалась в памяти. Делать на балконе было нечего, я вернулся в каюту, переоделся в спортивный костюм и прилег на кровати. Хотелось есть, так как позавтракал довольно рано, но ресторан со шведскими столами наверняка еще закрыт. Скорее всего, откроется после выхода в море. Есть время спокойно полежать и отдохнуть от трехчасовой поездки с пересадками из отеля до порта. А потом еще нудной процедуры посадки, длившейся значительно более получаса.

Мне даже удалось подремать. Проснулся только от того, что лайнер начал немного вибрировать, оказывается, два буксира уже вытащили нас из порта, и мы набираем потихоньку скорость. Успел с балкона разглядеть эти буксиры, когда они возвращались в порт. На балконе прекрасно: при-

ятный ветерок освежает, солнце светит откуда-то сбоку, впереди бесконечное море. Снова переоделся, захлопнул балкон и отправился в ресторан. Моя каюта почти на самом носу лайнера, а ресторан на корме этажом ниже. Поэтому, спустившись на тринадцатый этаж, двинулся по бесконечной открытой палубе. Почти весь центр тринадцатого этажа занимает большой бассейн, к которому примыкают два небольших: детский и с душем Шарко. У бассейнов уже много людей: кто-то спешит насладиться купанием, кто-то нежится на лежаках. Дальше еще полсотни метров, и можно входить в ресторан. Трудно назвать это рестораном. Длинные залы, тянущиеся вдоль обоих бортов лайнера. Секции, представляющие совершенно разные кухни: итальянскую, французскую, греческую и еще, и еще. Глаза разбегаются. Нужно пройти двести – триста метров раздач два раза, чтобы найти то, что покажется наиболее аппетитным. Но некоторые пассажиры не выдерживают: набирают полные подносы, относят на стол и снова движутся вдоль бесконечных прилавков. А потом мучаются: и бросать нетронутые блюда обидно, и желудок уже полон. Да и не хочется толстеть от этого изобилия бесплатной еды.

Я уже не первый раз на круизном лайнере, поэтому выбираю себе обед почти сразу. Побольше овощей и фруктов, немного мяса без гарнира и никаких булочек к кофе. Мне никак нельзя дальше толстеть. И так уже более четырех лишних килограмм отложилось на животе и бедрах. Шум в за-

лах стоит невообразимый. Сотни людей жуят, смеются, перекликаются, гремят подносами. Вокруг говор и крики на десятке языков. Пришлось даже отключить на время слуховой аппарат, чтобы не слышать непрерывных возгласов и повизгивания четверки молоденьких белокурых, веснушчатых девушек, почти девочек, оккупировавших соседний стол.

Наконец с поглощением пищи окончено, и можно прогуляться по кораблю. Обычно все события на лайнере происходят на тринадцатом, седьмом и шестом этажах. На тринадцатом мы гуляем, купаемся, едим в любое время дня и ночи. На седьмом и восьмом отдыхаем. На шестом решаем всевозможные проблемы на ресепшене. Да, забыл театр, который размещен на восьмом и седьмом этажах. У меня проблем нет, поэтому я отправился на седьмой этаж. Бесконечные магазины и магазинчики, библиотека и, наконец, игровой зал. Игровой не для детей, а для взрослых. Множество автоматов, аналогичных «одноруким бандитам», но более изящных. Столы для картежников и – самое привлекательное для меня на сегодня – три стола рулетки. В каждой поездке я за этими столами пытаюсь хотя бы частично оправдать расходы на поездку. Обычно это удается.

Подавляющее большинство игроков приходит в такие залы проиграть сотню-две евро (или долларов). Считается, что другое просто невозможно. Действительно, если играть бесконечно, проигрыш обеспечен. Против статистики не попрешь. Но некоторые выигрывают. Не будем говорить о

счастливых, которым повезло, и они, ставя по тринадцать раз подряд «на черное» или «на красное», выигрывают (в кинофильме) миллион или что-то в этом роде. Я говорю о трудягах, которые просиживают несколько часов в зале, ставят мизерные ставки и уходят из зала с выигранной полусотней или сотней евро.

Помню, меня поразило, когда я очень давно прочитал в какой-то книге о французской старушке, которая каждый рабочий день выигрывала в казино полсотни новых франков, чтобы купить себе все необходимое на очередные несколько дней. Тогда в это не поверилось. Но позднее, когда в «нашем клубе» мы завели миниатюрную рулетку, понял, что это действительно возможно.

Нужно пояснить, что такое «наш клуб». В городке, где я живу, развлечений практически нет. Ну не считать же развлечением кино, которое показывают в городском общинном клубе еженедельно. Поэтому русскоязычные мужики собрались, утвердили устав, выбрали президента и кассира и решили ежемесячно собираться в каком-нибудь ресторанчике или кафе в ближних и дальних окрестностях городка. Как ни странно, наш клуб процветает много лет. Возможно, потому что кроме небольших взносов, которые мы делаем ежемесячно, нас спонсируют также местные, средние по нашим понятиям, предприниматели.

Я как-нибудь более подробно опишу наш клуб. А сейчас только добавлю, что по правилам клуба игроки весь выиг-

рыш от игры в рулетку сдают в кассу клуба. Поэтому играют, не завидуя выигрывающим. Почему-то мне почти всегда удавалось выигрывать. Самому удивительно. Вроде играю как все, пью до начала игры почти столько же, сколько и остальные, но всегда выигрываю. Впрочем, мы играем «по маленькой». Ставки по одному шекелю, так что и проиграть, и выиграть можно не больше двадцати-тридцати шекелей. Сумма совсем смешная для всех членов клуба. Да и играем мы не более чем по тридцать – сорок минут. Потом всем надо едет. Ведь рулетка только незначительная часть программы, обычно перед уходом, да и не каждый раз.

Когда я первый раз поехал с друзьями в круиз на приличном лайнере, зашел в игровой зал с целью честно проиграть сотню евро. И вышел через сорок минут с выигранной полусотней. Выигрыш мы по старой привычке тут же израсходовали всей компанией в ресторанчике (добавив еще поболее к выигрышу). Но этот «успех» заставил меня призадуматься. Поэтому, когда в дальнейшем случайно или преднамеренно оказываюсь рядом с казино, не отказываю себе в удовольствии немного выиграть. Для развлечения или пополнения кошелька.

Игровой зал пустой, игра должна начаться через три часа. Поэтому я прошел через небольшой салон в библиотеку. Полазил по полкам, на русском или иврите книг не оказалось, на английском ничего интересного не нашел. Привлекла своей обложкой внимание фантастика о девушке на да-

лекой планете, которая вынуждена была стать гладиатором. Она одерживала бесконечные победы в тщательно описываемых боях, влюбилась в другого гладиатора, погибшего однажды от руки коварного гладиатора из вражеской команды. Дальше она, вероятно, должна была на протяжении сотни страниц «мстить жестоко и беспощадно», но мне надоело пробираться через длинные немецкие фразы. Да и немецкий я немного подзабыл.

Чуть было не уснул и решил снова зайти в ресторан выпить кофе. Пришлось опять подниматься на тринадцатый этаж. Но кофе в баках жидкое, пить его не хочется, пошел в платное кафе на том же этаже. За соседним столиком слева стояла (столики высокие, без стульев) и пила кофе молодая – лет тридцати пяти – женщина. Рассеянно взглянул на нее и увидел на правой руке кольцо с зеленым кабошоном. Теперь я разглядел, что это очень чистый, практически прозрачный хризопраз. Память у меня неплохая, и я сразу узнал руку соседки из смежной каюты. Соседка и соседка. Мнечто какое дело до нее. Но она обернулась ко мне, возможно, почувствовала на себе взгляд. (Женщины, в отличие от нас, мужчин, почти всегда чувствуют пристальный взгляд.) Глядела буквально мгновение и сразу же перевела взгляд на что-то другое.

Ну что на меня смотреть: пожилой мужчина лет под шестьдесят, одет довольно небрежно, шевелюра пострижена чрезмерно коротко. Молодой женщине неинтересно. Моло-

дая – это с моей точки зрения, мужчины, как говорят, среднего возраста. Но мне тоже неинтересно. Я вообще-то не козел. На дам не бросаюсь без разбора. Однако успел заметить, что дама украшена сережками с хризопразами чуть более светлыми, чем на кольце, а также ниткой бус из хризопразов. Хризопразы в бусах неплохие, но никакого сравнения с кабошоном кольца. Менее прозрачные, более светлые и даже с беловатыми включениями.

Дама допила кофе и удалилась в сторону носа лайнера. Тоже понятно, лифты на верхние этажи имеются только на носовой части. На корме нет четырнадцатого и пятнадцатого этажей, вернее, четырнадцатый имеется, но он чисто служебный. У нас на носу довольно много кают, таких как моя, но на пятнадцатом этаже только несколько кают высшего класса, в них мне не быть никогда. Слишком дорогое удовольствие.

Колье с бриллиантами

Мне нужно убить где-нибудь еще полчаса до начала работы игрового зала. Спустился на лифте до восьмого этажа, постоял несколько минут, слушая неплохого пианиста в маленьком проходном зале, потом еще и еще ниже и очутился на шестом этаже рядом с информационной службой (длинное название, ресепшен короче и удобнее). Взял листок с расписанием всех мероприятий лайнера на русском языке, проглядел его и спросил (на русском языке) будут ли приносить это расписание в каюту. К моему удивлению одна из девушек с готовностью откликнулась и почти без акцента подтвердила, что в мою каюту начиная с завтрашнего утра расписание будет доставляться не только на английском, но и укороченное на русском языке. Она только спросила номер моей судовой карточки. Пустяк, а приятно. Уважают.

Побродил немного по восьмому этажу, не хотелось заявляться почти первым в игровой зал. Потом не выдержал и пошел на седьмой к рулетке. Игроков еще мало. Из двух столов для блек-джека только за одним сидят три игрока. Из трех столов рулетки работают два. Я сел за средний стол справа, в самом конце стола, чтобы хорошо видеть информационное табло. Разменял у крупье сто евро на фишки, но не стал сразу делать ставки. Хотелось оглядеться.

Минимальной ставкой объявлено пол-евро. Так делают

для начинающих, максимальная ставка тоже небольшая – двадцать пять евро. Для меня максимальная ставка неинтересна. Мигом проиграешься. Это для богатых оболтусов. Но и спускаться ниже одного евро тоже ни к чему. Мои границы один – десять евро. После трех циклов работы рулетки и изучения предыстории решился, сделал пару ставок. И, конечно, неудачно. Но потом потихоньку работа пошла. Движение мизерное, в соответствии с моими мизерными ставками. Проигрыш – выигрыш, и все по одному-двум евро. Но вот я начал подряд делать ставки на любимое число. Сразу скажу – не объявлю его. Оно действительно любимое. Выиграл на третий раз и получил сразу фишек на семьдесят евро, так как ставил два. Теперь можно было рисковать немного больше. Не буду утомлять подробностями; минут через сорок у меня уже накопилось лишних фишек на сто пятьдесят евро. Достаточно для первого раза.

Уже хотел прекратить игру, но увидел, что моя соседка тоже появилась в зале и уселась за соседний стол рулетки, спиной и левым боком ко мне. Пока она шла к своему месту, успел рассмотреть ее. Вернее, смотрел не на нее, а на ее выставку драгоценностей. И было на что посмотреть. Хризопразы заменены на небольшие изумруды, украшенные бриллиантами. Красивое изящное колечко: небольшой очень чистый изумруд с двумя бриллиантами поперек кольца. Серьги, в которых под изумрудами сияют небольшие бриллианты. Но главное, что бросилось в глаза, – кольцо. Оно было изу-

мительное. Пусть бриллианты и изумруды были не слишком большие, но я никогда раньше не видел такое удивительное сочетание бессистемности и в то же время внутреннего порядка. Чувствуется, что над этой беспорядочностью чередования камней долго работал художник с тонким вкусом. И все это в белом золоте (или платине?). Не только я поражен. Даже дородный крупье застыл на мгновение, чуть не забыв сказать свое «ставки сделаны». К сожалению, она, как я уже говорил, села ко мне почти спиной, колье было совершенно не видно. Но мне было достаточно одного взгляда.

Естественно, что я не сразу ушел из зала. Посидел немного рассеянный, сделал пару совершенно ненужных, заведомо проигрышных ставок, и решил, что дальше мне здесь делать нечего. Какое мне дело до симпатичной дамы с таким роскошным колье? И все же уходил из зала расстроенный. До ужина в ресторане оставалось полтора часа. Я ужинаю во вторую смену, и было время пойти к себе в каюту переодеться. Время до ужина можно провести в театре. Собственно, я специально попросил определить меня во вторую смену ужина, чтобы успеть и в игровой зал, и в театр.

Театр на лайнере – это большой зал, занимающий два этажа. Соответственно, и сцена очень большая. На лайнере нет драматической или оперной труппы. Есть большой коллектив, включающий самых разных артистов: певцов, гимнастов, танцевальные группы. И, естественно, конференсье. В театр за время плавания я хожу обычно два-три раза. Потом

это надоедает. Представления каждый день разные, но это одни и те же артисты, немного отличающиеся каждый день номера. Артисты стараются, публика встречает их и провожает хорошо, но смотреть несколько раз почти одно и то же не интересно.

Вероятно, дама ушла из игрового зала почти следом за мной, так как, выходя из театрального зала, я увидел несколько впереди ее спину. А потом обнаружил ее же сидящей в ресторане через один столик от меня. Ужин в круизе включен в стоимость поездки, поэтому на ужин приходят все. Не знаю, как нас размещают в этих двух смежных залах. Ведь нас тысячи и, хотя мы едим в две смены, все равно нас слишком много. Не буду описывать ужин, скажу только, что одно место за столом, место моей приятельницы Нины, пуствовало. Две молодые девушки, сидящие за этим же столом, все время болтали, обсуждая театральное представление, соседей, меню, сами блюда. И меня это раздражало. Старею, наверное.

После ужина прогулялся еще раз по тринадцатому этажу, вышел на пятнадцатый подышать на самом носу лайнера свежим воздухом и отправился в свою каюту. Попытался записать дневные впечатления: решил делать в пути записи, когда понял, что Нина не сможет поехать в круиз. Но ничего кроме фразы «Моя соседка – интересная дама с великолепным колье» написать не смог. Слишком обычный день, практически никаких впечатлений. Но спать рано. Порабо-

тал пультом телевизора, нашел «Кармен», решил послушать. Но после заключительных слов арии Эскамильо во втором действии: «Et que l'amour t'attend, Toréador, l'amour, l'amour t'attend!» – выключил телевизор.

Палермо

23 октября, четверг.

Следующий день начался очень рано. Мы должны приплыть в Палермо в девять утра. До этого нужно было переделать все мелкие дела: принять душ, одеться, позавтракать и стоять на балконе, рассматривая приближающуюся Сицилию. Сицилия в первый раз выглядит великолепно: горы, море, большой город, заполнивший все пространство между морем и несколькими горами. Но я видел это уже два раза. Поэтому думал только о том, куда направиться в этот раз. Что смотреть. Вообще, самому не ясно, почему выбран этот хорошо знакомый мне маршрут. Наверное, чтобы покрасоваться своим всеведением перед Ниной.

Сразу же после выхода с трапа попадаешь в длинный крытый переход, ведущий к стоянке такси. И здесь придется торговаться. Я подошел к молодой паре, нерешительно стоящей у такси. Таксист громко убеждал их, что сто евро за три часа поездки на такси – это очень недорого. Тем более что он «будет гидом и покажет все прекрасное, что имеется в Палермо». Парень практически соглашался, но девушка явно была не согласна. Я подошел поближе и предложил ехать вместе. Так будет немного дешевле. Парень сначала недоумен-

но пытался возразить, но девушка решительно поддержала меня. Я обратился к таксисту и предложил катать нас два с половиной часа, но за шестьдесят евро и без комментариев о прелестях Палермо. Таксист стал бурно возмущаться и требовать за троих пассажиров не шестьдесят, а сто двадцать евро. Пришлось сделать невозмутимое лицо и сказать, что мы разочарованы и пойдем искать другое такси. Других такси практически не было, но и пассажиров не видно. Только что ушел туристический автобус, забравший большую группу пассажиров. Таксист продолжал что-то говорить на высоких тонах, но потом сдался и предложил возить нас за девяносто евро. Пришлось ответить категорическим отказом. Парень начал уже терять терпение, но мы с таксистом все же договорились на семьдесят пять евро. Сразу же скажу, что в конце таксист стал выпрашивать еще хотя бы десять евро – у него много детей. Пришлось добавить пятерку.

Теперь у меня хотя бы появилась цель. Оказалось, что ребята – Иржи и Марица – из Чехии, прекрасно говорят по-английски и первый раз в Италии. Два с половиной часа я рассказывал этой славной парочке о местах, по которым мы проезжали, о бесконечных соборах, церквях и общественных зданиях, которые осматривали. А интересных мест в Палермо много. Рассказывал о греческом и римском периодах, об арабском завоевании и викингах, пришедших им на смену, о германских императорах, Фридрихах I и II, для которых Палермо был лакомым кусочком, который приходилось

несколько раз отвоевывать. На время владычества испанских и неаполитанских королей или на рассказ о съемках в Палермо эпизодов фильма «Крестный отец» у меня уже не хватило сил. Я просто поводил ребят по маленькому рынку в центре Палермо, где они накупили множество сувениров, удивляясь их дешевизне. Действительно, после римских цен здешние (те же самые китайские) сувениры кажутся дешевыми.

И снова наш лайнер. Да, забыл указать его имя. Неудобно как-то: такой красивый корабль и без имени. Тем более что имя у него – «MUSICA» – действительно имеется. Снова обед, послеобеденный сон, и я в читальном зале. Если в каюте не пишется, может быть, в читальном зале смогу? Но и здесь писать не хочется. Опять взял ту немецкую книжку. Действительно, героиня отомстила за любимого, но это ей удалось сделать на двадцати страницах. Чем же она займется дальше? Понятно, в лучших традициях двадцатого века она подняла всех угнетенных гладиаторов на борьбу с эксплуататорами. Бог ей в помощь. Скука.

Наконец могу пойти в храм игры. Занимаю место и стараюсь не глядеть по сторонам, не отвлекаться. Игра идет ни шатко ни валко. Не знаю в чем дело, но нет боевого настроения. Только один раз выиграл на любимом числе (плюс тридцать пять евро), а сколько раз ставил на него впустую? Зато три раза выиграл на каре в правом верхнем углу. И ведь не решился ставить на тройку, ставил на весь угол. А тройка выпадала три раза подряд. И как после этого верить в случай-

ность, в статистику? В результате за эти три выигрыша получил только двадцать четыре евро. Наверное, жадничаю, боюсь ставить прилично. Хотел уже встать и отправиться бродить по лайнеру, но пока сомневался, за соседний стол опять села моя соседка. Теперь она сидела почти лицом ко мне. Но бриллиантов на ней не было. Скромный комплект хризопразов. Кстати, мой любимый камень. Когда-то я обработал уйму хризопразов и выменял на них весьма приличные камни. Я воспринял это как знак, поднялось настроение, стал ставить не по одному евро, а по пять. И в результате еще за полчаса дошел до нормы. Сто пятьдесят евро выиграно, можно уходить, то есть подойти к кассовым окошкам и обменять свои фишки на реальные евро. Еще два-три захода сюда, и я отыграю свои зря потраченные деньги.

Знакомство

Опять прогулка, театр, ужин. Непонятно, для чего я вообще поехал в этот круиз? Только потому что не удалось сдать билеты? Должен же быть какой-то смысл в этом привычном замкнутом круге времяпровождения. После ужина лежу на своем двуспальном ложе, щелкаю кнопками телевизионного пульта, пытаюсь найти что-нибудь интересное. Бесполезно. Вышел на балкон. Нет, не покурить, я вообще после двадцати лет перестал даже баловаться табаком. Тишина, темная южная ночь, кроме звезд вдали видны огоньки кораблей. Да, это ведь один из самых оживленных морских путей. Насчитал на горизонте одновременно четырнадцать танкеров (или балкеров, кто их разберет на таком расстоянии). Считать тоже надоело. На балконе прохладно: сказывается, что даже здесь лето уже давно кончилось. Хотел уйти, но в это время на поручни соседнего балкона легла женская рука без колец. Я уже понял, что моя соседка тоже одна в своей каюте. Если бы с ней был друг или подруга – услышал бы это. Поэтому решился немного поболтать. Сказал несколько банальных фраз о красоте южной ночи, о тишине, располагающей к размышлениям. В общем, какую-то ерунду. А потом предложил, совсем не надеясь на положительный ответ:

– Не пойти ли нам по-соседски выпить по чашке кофе с круассанами или хотя бы по стаканчику чая?

– Странно, что вы не предложили пойти выпить по коктейлю.

– Можно и по коктейлю, тем более что я сегодня в выигрыше.

– Да, я видела, как крупье отсчитывал вам фишки. Даже немного позавидовала.

– И чему завидовать? Полторы сотни евро – разве это выигрыш?

– Ну все же. А у меня и вчера и сегодня только минус.

– Тем более. Стоит с горя пойти и выпить по коктейлю.

– Хорошо, уговорили, я выйду минут через пять – десять.

Вы успеете собраться?

– Да, конечно.

Собраться за пять минут нетрудно. Я вышел в коридор и ждал еще минут десять. Наконец моя соседка вышла. Не уверен, что мой возраст ее порадовал, но на лице никакого разочарования. На соседке был все тот же комплект хризопразов.

– И куда вы предлагаете идти?

– Думаю, на тринадцатом этаже еще не все закрыто. Но лучше пойти на восьмой этаж, там кафе работает допоздна.

Мы молча спустились на лифте на восьмой этаж. Я не знал, о чем говорить. Был даже немного в растерянности. Соседка предпочла предоставить мне возможность выкручиваться из неловкой ситуации. Наконец мы сели, заказали по коктейлю. Здесь не было возможности выпить коктейль

у стойки, да мы и хотели, наверное, посидеть и не спеша поговорить. Я перевел разговор на тему, в которой чувствовал себя уверенно:

– У вас прекрасный комплект: серебро с хризопразами. Не хватает только броши.

– Во-первых, это не хризопразы, а жад, китайский жад. А во-вторых, брошь имеется, но она кажется мне громоздкой, и я ее не ношу.

– Относительно броши ничего сказать не могу, не видел. Но остальное – это не китайский жад, а казахстанский хризопраз.

– Почему вы так уверены?

– Я много работал с хризопразами. Жад немного не такой. Цвета другие, полировка ложится по-другому. Смею вас уверить, кабошон в кольце – исключительного качества. Степень прозрачности, глубина цвета великолепные. На мой взгляд, значительно лучше подавляющего большинства разновидностей жада.

– Вы ювелир?

– Нет, я преподавал в России историю. Но камни – мое хобби. Мое счастье и мое несчастье.

– Почему счастье могу предположить. Но почему несчастье?

– Когда-то был женат, но жена не выдержала, как она говорила, «конкуренцию с ее величество коллекцией». А в результате ушла. Вместе с ребенком. И я остался один на один

с камнями.

– Сочувствую. Но жену тоже можно понять. Наверное, и материальные трудности были, и это тоже подтолкнуло ее?

– Да вроде нет, из зарплаты не брал никогда ни копейки. Наоборот, иногда приходилось что-то докладывать к получаемому жалованью. Правда, зарплата была в те времена мизерной.

– Сколько интересно?

– Не скажу, так как вы все равно не поверите.

– И как вы разошлись с женой?

– Она ушла к своим родителям, забрала с собой сына, а я остался у своих. В те времена получить квартиру было практически невозможно, а купить... Не продавались тогда квартиры. Чтобы закончить обо мне, скажу, что теперь живу в Израиле, всем или почти всем доволен.

Пока мы болтали, я смог наконец рассмотреть свою даму. Раньше как-то стеснялся внимательно глядеть, наверное, боялся, что бесцеремонность может не понравиться. Моей соседке лет тридцать пять или чуть меньше. Почти блондинка, чуть рыжеватая, кажется натуральная, слабые веснушки и зеленоватые глаза это подтверждают. Я уже раньше заметил, что она почти моего роста, а я на свой стандартный рост не жалуясь. Одета вроде богато, но что-то в одежде не согласуется. Я не очень в этом разбираюсь, но костюм не подходит к хризопразам.

Нам принесли коктейли, и разговор на время утих. Мне

показалось, что некоторая напряженность, чувствовавшаяся раньше в моей спутнице, спала. Она уже не выглядела такой скованной и даже позволила себе улыбнуться, когда говорила о сочувствии мне. Не хотелось продолжать разговор обо мне, и я постарался переменить тему:

– Завтра прибываем в Тунис. Вы собираетесь осматривать достопримечательности?

– Да, я в Тунисе не была ни разу. А вы?

– Был в Тунисе два года назад. Тогда еще израильтянам разрешалось посещать Тунис. А завтра останусь на борту.

– Почему не разрешают?

– Спросите президента. Это их право разрешать или нет израильтянам тратить деньги в Тунисе. После «демократической революции» всегда на свет божий выползают маргиналы. Вот и теперь имеем кучи религиозных запретов. А ведь Тунис раньше был довольно демократическим государством. Но вы-то – англичанка. Советую вам поехать к развалинам Карфагена, соприкоснуться с древностями, почувствовать аромат доримского мира.

– Посмеиваетесь над неопытной путешественницей? Кстати, почему вы решили, что я англичанка?

– У кого еще могут быть такие красивые веснушки при зеленых глазах?

– Это комплимент?

– Отнюдь. Констатация действительности.

– Ладно, поверю, что это не с дальними намерениями. Да,

я англичанка по происхождению. Но сейчас жила довольно долго в Риме.

– Работа или командировка? Простите, если не очень удобный вопрос.

– Нет, вопрос нормальный – командировка. Но не хотелось бы говорить на эту тему.

– Замяли. Кстати, вчера вы были в игровом зале в весьма эффектном наряде. Я говорю о вашей коллекции драгоценностей. Точнее, о колье. Вы не опасаетесь, что оно может привлечь внимание не тех, с кем хотелось бы знакомиться?

– Нет, не опасуюсь. Говорят, здесь хорошая охрана.

– Надеяться на охрану – это для нас, обывателей, естественно. Но...

– А что, у вас имеются на этот счет сомнения?

– Кто я такой, чтобы сомневаться? Но колье такого типа стоит не меньше двухсот тысяч фунтов стерлингов. Я бы засомневался, разрешить ли моей спутнице спокойно носить в толпе такое колье. Впрочем, у моей спутницы не может быть такого колье, да и спутницы-то нет.

– А меня вы не принимаете во внимание?

– Боже, я бы рад иметь право называть вас моей спутницей. Но ведь это просто смешно. Кстати, мы еще даже и не знакомы. Меня зовут Андрей.

– Очень приятно. Я – Лисбет. Друзья зовут меня Лиззи. Почему вы не можете именовать меня спутницей?

– Это же естественно. Посмотрите на себя и на меня. Вы

молодая, красивая, состоятельная, судя по вашим украшениям, женщина. А я – не первой свежести мужчина, живущий на пособие государства.

– Не прибедняйтесь: живущие на пособие не покупают круиз в отдельной каюте с балконом.

– Я заказывал каюту на двоих на восьмой палубе. За небольшую доплату предложили четырнадцатую, и я соблазнился. Но моя спутница слегла с температурой, и мне пришлось ехать одному. Немного накладно. Вот я и решил улучшить свои финансовые дела в игровом зале.

– Разве это возможно?

– Что?

– Выигрывать в казино?

– Почему нет? Я вам как-нибудь расскажу в другой раз.

Мне не хотелось продолжать этот разговор, да и с коктейлем мы уже давно закончили. Предложил прогуляться перед сном. Мы прошли почти в молчании по незащищенной от ветра части палубы восьмого этажа. Было весьма свежо и даже холодно. Пришлось вернуться на наш этаж. Еще раз посоветовал Лисбет подумать об ее украшениях. Можно ведь сдать их в корабельный сейф на хранение. Но она только рассмеялась в ответ. Мы попрощались и разошлись по своим каютам.

24 октября, пятница.

Следующий день начался для меня с боя барабанов и дикого завывания вувузел. Я вышел на балкон и увидел, что мы уже подошли почти вплотную к причалу порта Тунис. На площади перед лайнером важно вышагивают и перестраиваются верблюды; кроме группы погонщиков рядом с верблюдами шагают музыканты, производящие весь этот шум. Затем верблюдов уложили в рядок. Ждут выхода туристов. Можно смотреть на верблюдов пять-десять минут, но не полчаса ведь. Вернулся в каюту одеться. На берег не иду, но завтракать нужно. Подумал еще, не постучаться ли в дверь Лисбет, но не решился. Вчера ей, возможно, было скучно и одиноко. А сегодня новый день, ее ждут новые впечатления. Нечего навязывать молодой женщине свое присутствие.

Но постучали в мою дверь. Открыл и засмутился – в дверях стоит Лисбет, а я еще не полностью одетый. Пробормотал извинения и сказал, что через минуту буду готов. Оказывается, она предложила пойти вместе завтракать. Завтракали не очень долго. Вернее, я сразу выбрал себе кефир, небольшой кусок пирога, кофе и поставил свой поднос на ближайший свободный стол. А Лисбет прошла целый ряд прилавков, но вернулась к моему столу тоже с почти пустым подносом. Во время завтрака мне удалось молчать, так как Лисбет заполнила паузу длинным рассказом о том, как они с подру-

гой гуляли несколько лет назад по Москве и как им многое казалось там странным. Потом невзначай спросила, когда я в последний раз был в Москве. Пришлось ответить, что в Москве не был уже пять лет, нет повода, хотя съездить было бы неплохо: говорят, там все очень быстро меняется.

Возможно, ее удовлетворил мой ответ, но, может быть, мы просто в это время окончили завтракать. Я проводил Лисбет до каюты, посоветовал ей не брать такси, а сесть в экскурсионный автобус: надежнее. Попрощался и снова отправился на тринадцатый этаж. Зачем – не знаю. Делать было абсолютно нечего. Почетный круг по тринадцатому этажу, и спускаюсь на восьмой. Все закрыто. Действительно, во время стоянки в порту все отдыхают.

Ресепшен

На шестом этаже было уже почти пусто. Пассажиры отправились в порт, новых пассажиров не было. Я подошел к дежурному и спросил расписание на день на русском языке. Мне так и не принесли его в каюту. Дежурный предложил посмотреть в боксе, в котором были свалены расписания на разных языках. Два раза перелистал все и не нашел нужное. В общем, это не страшно: не все ли равно читать на английском или на русском. Но меня немного задело, что к русскоязычным пассажирам относятся небрежно. Я снова попросил расписание. Дежурный – высокий симпатичный негр – подошел к боксу и сам пролистал всю пачку. Нужного расписания нет. Он обратился к старшей по смене, и она попросила его сходить куда-то. Я сказал, что подойду через десять минут. Все время сознательно говорил на русском языке, почти все, кроме некоторых ключевых английских слов, которые старательно коверкал.

Через десяток минут снова подошел к дежурному и поинтересовался, принесли ли расписание. Он смущенно сказал, что на русском языке не нашли. Это меня уже задело. На лайнере есть типография. Могли бы печатать достаточное количество расписаний. Предложил позвонить в типографию и попросить допечатать расписание. Естественно, негр меня не понял. Тогда вмешалась русскоязычная сотруд-

ница и перевела ему мои слова. И тут началось представление. Я требовал свое, дежурные отсылали меня к начальнице смены. Она мне повторяла, что с завтрашнего дня мне будут приносить расписание в каюту. Я парировал, что мне еще вчера это обещали. Начальница извинялась и снова говорила о завтрашнем дне, а я говорил, что завтрашний день уже наступил, так как вчера меня тоже кормили завтраками. И так многократно. Мне стало интересно. Подтверждал свои претензии все новыми словами. Их переводили. Начальница отвечала примерно одно и то же. Я говорил очень вежливо и настойчиво. Повторял, что русский язык является международным, одним из языков Организации Объединенных Наций. Время от времени вставлял фразы на иврите, чем вводил всех в смущение. Я уже хорошо всмотрелся в начальницу смены – молодую итальянку. Она мне нравилась. Невысокая, хорошо сложена, приятное лицо. Примерно через десять-пятнадцать минут наших пререканий русскоязычная сотрудница взмолилась:

– Ну что вы хотите? Не может она заставить типографию напечатать один экземпляр. Никак не может. Зачем вам все это?

– А может, мне нравится разговаривать с такой приятной дамой.

Сотрудница перевела своей начальнице по-другому:

– Кажется, он в тебя влюбился!

Собравшиеся сотрудники смены (а нас уже напряженно

слушала вся смена, даже с противоположного борта подошли), грохнули от этих слов. Начальница покраснела, но посмотрела на меня совсем с другим выражением. Я улыбался ей, все смеялись, инцидент вроде исчерпан, а тут еще просьба, естественно, на приличном английском, разрешить сфотографировать ее. Начальница промолчала, и это воспринято мной как разрешение. Две вспышки, потом сфотографировал всю смену на рабочих местах и пообещал принести фотографии. Хоть какое-то развлечение и мне, и всей смене.

Но нужно теперь найти здесь фотосалон. Он нашелся на восьмом этаже, и мне через десять минут выдали небольшую пачку фотографий. Опять спустился на шестой этаж, раздал фотографии и попросил начальницу, я уже знал к этому времени, что ее зовут Эмма, разрешение оставить одну ее фотографию у себя. Опять общий смех, но разрешение милоливо получено.

И что делать дальше? Для второго завтрака еще рано, в библиотеке делать нечего, купаться не хочется, да и не так жарко еще. Пошел на тринадцатый этаж, сел под шезлонгом и осмотрелся вокруг. В бассейне и на лежаках много людей, почему-то в основном женщины. Оказывается, не все сошли на берег. Женщин много, но смотреть не на кого. Либо еще совсем молоденькие, почти дети (с высоты моего возраста), либо почтенные дамы, со всеми вытекающими последствиями для их фигур. Я почти задремал, по крайней мере, закрыл глаза, и в памяти стали проплывать какие-то обрывки

воспоминаний.

И это яркие, но неприятные воспоминания: мое расставание с коллекцией. Я часто вижу отдельные обрывки этих воспоминаний во сне. Продать ее целиком – невозможно. Вывезти в Израиль тоже невозможно: как вывезешь две-три сотни килограммов камней? Да и зачем они мне в Израиле, где я буду их хранить? А я знал, что жизнь в Израиле мне предстоит не сладкая, устроиться на работу будет невозможно, поэтому самому придется решать вопрос с квартирой. Квартиру в Москве, доставшуюся от родителей, я не собирался продавать.

И вот звонки знакомым коллекционерам и дилерам, большие скидки. Хорошо, что наиболее ценную часть – камни в изделиях девятнадцатого века, удалось продать через знакомого дилера дипломату, для которого совсем нетрудно вывезти все в свою страну. А среди них было несколько очень ценных изделий. Собственно, само изделие обычно не оценивается, если оно в серебре, оценивается только камень. Смешно, но в Советском Союзе, да и в первые годы после распада Союза, было все наоборот. Оценивался только металл, камень не принимали во внимание. Именно тогда, будучи совсем молодым, я приобрел свои наиболее ценные экспонаты: серебряное кольцо тридцатых годов девятнадцатого века с большим бирманским рубином; брошь середины того же века с турмалином в окружении очень чистых, чешских вероятно, гранатов; пару золотых сережек семидесятых

годов с большими светловатыми, но очень чистыми уральскими изумрудами. Особенно жалко было отдавать пластину малахита великолепного рисунка, к которой был прикреплен эмалевый портрет Александра I в золотой оправе. Когда-то я отдал за нее обменного материала на две свои годовые зарплаты. Впрочем, зарплаты-то были маленькие.

Все остальные экспонаты коллекции – бесконечные кристаллы, друзы, полированные срезы почти всех видов камней, известных в СССР, собрание кабошонов моего производства (более пятисот образцов), относительно простые драгоценные и полудрагоценные камни в изделиях – тоже уходили, но небольшими партиями. А поделочный материал – многие килограммы, я просто отдал одному из знакомых. Он говорил потом, что подарил все в провинциальный музей. Кое-что так и осталось в квартире, в небольшом запечатом сейфе.

Граненые драгоценные камни без изделий («голые» по нашей терминологии) я не коллекционировал: за это полагалась статья. А мне не хотелось рисковать. Если попадались более или менее интересные экземпляры этого типа, я старался скорее обменять их на что-то другое, разрешенное. И вот это все часто вспоминалось во сне. Перед глазами проходили много раз просматривавшиеся образцы. Я не жалею о потере коллекции, но и избавиться от этого наваждения очень трудно.

Первые секреты

Еще полчаса прошли, можно идти второй раз завтракать. Не обязательно наесться, впереди еще обед, но выпить кофе, съесть что-то в виде пудинга или запеканки можно. Заодно убить еще минут тридцать-сорок. А потом можно и подремать в каюте или попытаться все-таки записать все незначительные события этих двух суток. Меня больше устроил второй вариант, сел за столик в каюте, написал четыре страницы. Откуда слова берутся? Вроде и писать-то нечего.

Потом на балкон. Внизу полнокровная струя возвращающихся из города туристов. Значит, скоро обед. Нужно идти, пока залы не заполнены до отказа.

После обеда время как будто совсем не движется. Попытался уснуть, ворочался минут тридцать, но сон не идет. Принял теплый душ и снова в постель. Удалось вздремнуть немного, но, проснувшись, столкнулся все с той же проблемой. Вот ведь как странно. Если ты отдыхаешь с женщиной, она тебя постоянно куда-то тянет, что-то заставляет делать. То ты ждешь ее у бутика или простого магазина, то бежишь узнавать что-то, что ей позарез нужно знать именно сейчас, то волнуешься, куда она запропастилась. Хочется хоть на полчаса сбегать от нее, отдохнуть, ничего не делая, просто созерцая деревья или горы, или море. А без женщины — не знаешь, куда себя деть. Хорошо, если попал в компанию

мужчин. Здесь тоже всегда будет что-то происходить. То хором вытаскиваем приятеля из неприятной ситуации, то все по очереди травим анекдоты, то хотя бы устроимся в пивном баре и молча неспешно потягиваем пиво. Благодарь.

К счастью, все когда-то кончается. Можно наконец пойти выпить кофейку и отправиться в игровой зал. Я настроен решительно, буду сидеть за столом не меньше часа. И опять сражение с проклятой вероятностью. На этот раз я решил сразу начать с пятиевровых ставок. Да, проигрыши серьезные, но и выигрыши более приятные. Теперь я берег любимое число, ставил на него редко, только через длительные промежутки. Ставил, последовательно немного повышая ставки. И два раза поймал. Один раз при ставке в пять евро и один раз при ставке восемь евро. Выигрыш для игрока моего уровня оглушительный – пятьсот пятьдесят пять евро. Даже с учетом проигранного в промежутке, все равно я могу уйти с выигрышем более чем в пятьсот евро. Я уже обменял у крупье мелкие фишки на крупные, оставил ему ненужные семь одноевровых фишек и собрался представить фишки к оплате в кассе, когда рядом со мной на стул села Лисбет. Она была в полной боевой готовности. Аккуратный макияж и бриллианты с изумрудами.

– Андре – она укоротила мое имя – это вы так разоряете рулетку?

– Да нет, разоришь их, как бы не так.

– Но я вижу, вы успешно поработали. Собрались уходить?

– Нет, Лисбет, теперь останусь. Нельзя же вас оставлять на съедение этим хищникам.

– А чем вы сможете мне помочь?

– Подам платочек вытереть слезы. У меня действительно имеется платочек. И не очень грязный.

– Лучше посоветуйте, куда ставить.

– Но это невозможно. Нельзя в игре советовать. Ничего не получится. Знаете, как говорят: «Бесплатные советы ничего не стоят».

– Будем делить выигрыш пополам.

– И проигрыш?

– И проигрыш.

– Нет, не согласен. Поиграйте сами. Ведь удовольствие не в результате, а в процессе. Как в любви.

– Слишком смелое сравнение. Но я попробую.

Мы разговаривали практически шепотом. Не рекомендуется за столом говорить громко. Лисбет разменяла на фишки пятьдесят евро и уже хотела ставить, но я попросил ее сначала присмотреться к игре. А смотреть было на что. Слева подошел грузный немного поддатый парень, разменял сто евро и начал быстро расставлять фишки по всему полю. Я был потрясен. Он ставил одновременно на красные числа и на черный цвет. Большая часть его фишек была в нижней половине поля, рядом с ним, но он почему-то поставил на верхнюю треть. Он не успел расставить все фишки, на руках осталось не меньше пятнадцати, когда крупье сказал свою коронную

фразу. И... парень выиграл. Он поставил среди прочего семь фишек на мое любимое число. На мое... Это мое число!.. Оно выиграло! Обидно, но нужно молчать. Парень выиграл, с учетом проигрыша по другим ставкам, более двухсот евро. Мы с Лисбет смотрели еще три раунда игры. Он точно так же беспорядочно ставил фишки и, разумеется, проигрывал. Проиграв последние фишки, он молча развернулся и ушел. Я не упустил возможности предсказать Лисбет:

– У вас будет такой же финал.

– Почему? Почему я не могу выиграть?

– Потому что.

Но она храбро поставила несколько фишек. И в сумме выиграла три евро. Победно взглянула на меня и расставила очередные десять фишек. Проигрыш. Еще и еще: то маленький выигрыш, то средний проигрыш. И так до тех пор, пока у нее осталось всего десять фишек. Она отдала их мне и разочарованно сказала: «Ставьте вы». Пришлось подчиниться. До этого я смотрел по сторонам, разглядывал людей. Несколько раз внимательно поглядел на Лисбет и ее драгоценности. Вероятно, я все-таки держал в уме ритм игры. И время от времени посматривал на табло. Не зря же оно нам дается. Поставил пять фишек на черное, и мы выиграли пять евро. Потом опять пять фишек на левую колонку. С замиранием сердца смотрел, где остановится шарик. Повезло, мы выиграли десять евро. Я решил, что пока везет, нужно рисковать. Не хотел показывать мое число Лисбет, поставил десять

евро на каре с этим числом. И мое число выиграло. Немного, но дополнительные восемьдесят евро – это не так плохо. Я решительно заявил:

– Хватит. Отдайте пять фишек крупье. У вас останется сто евро. Не искушайте судьбу.

Она пыталась протестовать, но я был непреклонен: «Ставить больше не буду». И Лисбет сдалась. Но заявила, что теперь за коктейль платит она. Я промолчал.

Мы прошли к кассе, обменяли фишки на деньги и пошли по направлению к театру. До начала спектакля оставалось много времени, и мы зашли все в то же кафе, где вчера неспешно смаковали коктейль. Честно говоря, сказать, что я его пил с большим удовольствием, нельзя. Слишком сладковат. Но Лисбет он понравился, приходилось делать вид, что мне тоже нравится.

На этот раз я выбрал себе коктейль покрепче и не такой сладкий. Наверное, сегодня я чувствовал себя более уверенно. Как же, мужчина – добытчик. Лисбет заказала себе вчерашний коктейль. Она помолчала немного и сказала:

– Я вам расскажу одну вещь, только не рассказывайте никому.

– Кому я могу рассказать? Кроме вас я никого здесь не знаю.

Она снова немного помолчала:

– Хорошо. Вчера вечером нашего коридорного-филиппинца кто-то оглушил и забрал у него универсальный ключ

к каютам. Так что запирайтесь обязательно и на задвижку.

– Мне-то чего бояться? Это вам нужно остерегаться. Я давно говорил об этом. Кстати, можно посмотреть кольцо?

– Зачем?

– Я хочу поближе посмотреть изумруд. Из какого он месторождения.

Лисбет замаялась. Ей явно не хотелось снимать кольцо. Но я протянул руку, и ей пришлось передать кольцо. В кафе было не очень светло, я снял очки и внимательно оглядел кольцо со всех сторон. Уже в зале я заподозрил неладное, теперь убедился в этом полностью:

– Лисбет, вы не хотите мне что-нибудь сказать об этом кольце? Вероятно, и обо всем остальном.

– А что конкретно?

– Ну, например, сколько стоит этот грандиозный комплект вместе с колье? Вы его сами покупали? Вы платили за него больше пятисот евро?

– Что, вам что-то не нравится?

– Почему? Красивое колье, симпатичные сережки и кольцо. Но это не белое золото и не платина. Это стерлинговое серебро, и камни искусственные. Да думаю, что вы об этом сами знаете. Поэтому так спокойно ходите в этих украшениях. Для чего?

Лисбет снова немного помолчала:

– Вы хотите знать правду? Зачем?

– Не знаю. Может быть, чтобы быть уверенным, что вас не

оглушат вечером из-за этих побрякушек. Может быть, чтобы понять вас, понять, почему вы не расстались со мной после первого же вечера. Какого черта я вам нужен?

Опять непродолжительное молчание:

– Вы правы. Это все побрякушки. Но они мне нужны. Вы уже поняли, что мои финансы не очень в порядке. Я могу вам честно сказать, что ищу приличную партию. Не волнуйтесь, на вас я не охочусь. Просто мне приятно было быть с вами оба этих вечера.

– Но я могу только помешать вам. Кто подойдет знакомиться, если видит, что вы рядом с не очень молодым человеком? На солидного отца я не похож, разве что на кузена?

– Мне нечего вам ответить. Возможно, я заигралась. Но не хочется прерывать наше знакомство на такой ноте. Давайте отложим разговор на сутки-двое.

– Хорошо. Но скажу вам, что сегодня отчаянно скучал без вас почти весь день.

Я проводил Лисбет в театр, но сели мы в разных рядах, уходили порознь и после ресторана в каюты возвращались тоже порознь. То есть она уходила из театра и ресторана в сопровождении солидного, положительного мужчины.

Настроение отвратительное, не хочется даже включать телевизор.

Эмма

25 октября, суббота.

На следующий день не очень рано мы прибыли в Пальма-де-Мальорка: расстояние от Туниса до Балеарских островов большое. Я успел утром зайти к Эмме на ресепшен. Подождал, пока около нее никого не оказалось, и с независимым видом поздоровался. Она смотрела на меня с удивлением. Мол: «Что вам здесь нужно?» Но тоже вежливо поздоровалась. Дежурные смотрели на нас, пытаюсь удержать улыбку. Я извинился за вчерашнее:

– Думаю, вы понимаете, почему я разыграл вчера такой спектакль?

– Нет, не понимаю. У вас есть какой-то вопрос к нашей службе? Вам опять не принесли расписание на русском языке?

– Кажется, принесли, я не посмотрел.

– Тогда что вам было нужно вчера, зачем был нужен этот ваш спектакль?

Она делала вид, что вот-вот готова рассердиться. Но по некоторым почти неуловимым интонациям я понял, что это для нее тоже игра. Просто она не хочет выглядеть смешной в присутствии подчиненных.

– Видите ли, Эмма, я не знал, как заговорить с вами. Представьте себе, подхожу сюда к вам и говорю, как ковбой со Среднего Запада: «А не пойти ли нам, дорогая, сегодня вечером в театр или ресторанчик?» И как бы вы ответили мне? Вполне очевидно: вежливо послали бы меня куда-нибудь подальше. Конечно, подходит еще не лысый, но потертый временем весьма немолодой дядька и бесцеремонно приглашает куда-то.

Эмма заулыбалась, но сдержала себя. Зато все присутствовавшие девушки смены и тот самый негр расхохотались от души. Пустяк, а начало положено.

– А вот теперь, если я вас спрошу: «Не сидите же вы здесь двадцать четыре часа?», то, возможно, вы мне что-нибудь ответите.

– Да, отвечу: «У нас смена двенадцать часов. А у меня имеется жених».

– Но это прекрасно. Я тоже был уверен, что такая девушка, безусловно, не обделена вниманием. Но я ведь не предлагаю вам руку и сердце. Просто спрашиваю, когда у вас заканчивается смена? Кстати, меня зовут Андре.

Эмма наконец улыбнулась:

– Мы сдаем смену в восемнадцать вечера.

– Прекрасно, только это мне и нужно было знать. Больше не буду мешать.

Я удалился, не оборачиваясь, но слышал смех девушек и их одобрительные голоса. Они что-то втолковывали своей

начальнице.

Балеарские острова мне нравятся, в городе Пальма я тоже был, но проехал по городу на кольцевом туристическом автобусе с удовольствием. Поглазел на королевский дворец, снова удивился строгим очертаниям замка первого короля Балеарских островов. С удовольствием пообедал в городе. Хотелось посидеть рядом с местными жителями, но оказался в гуще туристов. Никуда от них не денешься. И заблаговременно вернулся на лайнер. Собственно, мы стояли здесь довольно долго, так как до следующей остановки, в Валенсии, расстояние небольшое. А вечером по этой же причине игорный зал не работал. Без десяти минут шесть я спустился на шестой этаж к ресепшену. Оделся как можно более прилично.

Эмма была еще на месте. Она о чем-то беседовала с молодым парнем, наверное, руководителем другой смены. Другие члены ее команды стояли поодаль. Эмма заметила меня, так как я видел, что она пару раз бросила тревожные взгляды в мою сторону. Опасается, что бесцеремонно вмешуюсь в их разговор. Но я остался стоять в сторонке, дожидаясь окончания их переговоров. Наконец они кончили разговаривать, и Эмма двинулась в мою сторону. На часах было ровно восемнадцать ноль-ноль.

– Я надеялась, что все это шутки, Андре, что вы не придете.

– Почему? Разве я похож на шутника?

– Вот именно, что похожи. Всем своим поведением.

– Может быть, я и шутник немного, но девушек стараюсь никогда не обманывать. Если сказал, что приду в шесть вечера, то обязательно приду.

– Ничего вы не говорили. Просто спросили, когда я заканчиваю смену.

– Да, вы правы, Эмма. Но тогда я не был уверен, что не опоздаю на наш корабль.

– Опять шутки? Вы просто не знали, как будут развиваться ваши отношения с графиней Колсберг.

– Это вы о Лисбет?

– Да, о графине Лисбет Колсберг.

– Но наши отношения с Лисбет вполне невинны, смею вас уверить. Мы почти друзья. Кстати, я приятно удивлен, что вы посмотрели не только мое имя в списках пассажиров, но и имя моей вчерашней спутницы.

– И вчерашней, и позавчерашней.

– Откуда такие точные сведения?

– Вы случайно не забыли, что мы ресепшен? К нам стекаются все сведения о пассажирах.

– Боже мой! Я думал, что такая тотальная слежка могла быть только на кораблях Советского Союза.

– Теперь будете знать.

– Хорошо, сдаюсь. Буду теперь знать, что каждый мой шаг просвечивается соответствующими службами. И не стану выяснять, какая сорока принесла вам на хвосте столько

нехороших сведений обо мне. На самом-то деле я хороший, законопослушный.

– Это не мои проблемы. Всего хорошего.

– Подождите, Эмма. Я надеялся, что вы могли бы дать мне возможность заглазить мои несуществующие провинности.

– Каким образом?

– Например, если бы вы уделите мне некоторое время сегодня вечером.

– А что вы можете предложить, какую программу?

– Если вы думаете, что на круизном лайнере в шесть вечера может быть предложена разнообразная программа, то вы ошибаетесь, хоть и знаете абсолютно все, что происходит на корабле. На мой взгляд, выбор не очень разнообразный: театр или одно из кафе. А потом в ресторан ужинать.

– В ресторан с вами я не пойду. Персонал ужинает в другом месте.

– Ну, в ресторан после ужина.

– Не уверена. А в театр можно. Но я тогда должна переодеться.

– Естественно. Я провожу вас и подожду.

– Нет, не так. На нашу палубу вам не стоит ходить. Подождите лучше меня в малом музыкальном салоне на восьмой палубе. Вы готовы меня ждать?

– Хоть вечность. Но лучше, если вы управитесь хотя бы за полчаса.

– Управлюсь.

Эмма ушла куда-то вниз, а я отправился в музыкальный салон. Когда-то я в нем был, вернее, проходил мимо и немного послушал музыканта, сидевшего за роялем и непрерывно игравшего не очень громко разнообразные мелодии. Я совсем плохо знаю современную музыку, но он играл давно знакомые мне вещи. И это не раздражало. Вот и теперь за роялем сидел все тот же музыкант, и мелодии тоже были мне знакомы. В маленьком зале кроме меня снова сидели только две пожилые пары. Как будто я вернулся на два дня назад, а может быть, даже в свое советское прошлое. Музыкант был явно из России или, как говорят теперь, из постсоветского пространства.

Ждать пришлось недолго. Но когда Эмма появилась, я даже немного растерялся. Это была не та строгая начальница, которая сидела, нахмутив брови, за пультом управления чего-то там. Эта была невысокая темноволосая молодая женщина в свободном серебристом платье, открывающем очень даже неплохие плечи. Большие карие глаза сияли. Как женщины умудряются достичь эффекта сияющих глаз? Я никогда не мог понять их секрета. Появление Эммы произвело сильное впечатление на музыканта. Он даже сбился и вынужден был повторить несколько тактов. Конечно, он знаком с Эммой, впрочем, ее знал почти весь персонал корабля, я в этом быстро убедился. Но, наверное, он не видел ее в таком наряде и таком настроении.

Когда я поднялся навстречу Эмме, музыкант еще боль-

ше удивился. И было чему удивляться. Все-таки я в два раза старше Эммы и выгляжу вполне на свои пятьдесят восемь.

А ей еще только двадцать восемь лет. Но это его дело – удивляться. У нас другие заботы. Мое восхищение было искренним и было высказано совершенно определенным образом. Предложил посидеть в кафе, которое практически рядом, выпить по чашечке кофе. Но Эмма сказала, что знает хорошее кафе на этой же палубе, и я, естественно, согласился.

Я не подозревал о существовании этого кафе, хотя проходил мимо не менее двух раз. Оно совсем крошечное и очень уютное: всего три столика, из которых занят был только один. Хозяйка широко раскрыла глаза, увидев Эмму под руку с таким пассажиром. Не знаю, что она подумала, но расцеловала Эмму и попросила познакомить ее со «спутником», как она назвала меня. Хозяйка тоже была весьма молодая, не более тридцати лет. Эмма церемонно представила нас:

– Андре, это моя подруга Зоя. Зоя, это Андре.

– Очень приятно.

Зоя усадила нас за столик в углу, вопросительно поглядела на Эмму, увидела что-то в ее глазах и, не спрашивая меня, пошла к стойке готовить кофе. Я похвалил уединенность кафе и спросил, давно ли девушки знакомы. Оказалось, что они живут в Риме в соседних домах. Когда-то Зоя рекомендовала Эмме пойти работать в эту фирму. И они плавают

теперь на таких лайнерах уже более трех лет. Эмма хорошо знакома с семьей Зои, они иногда проводят вместе время, когда одновременно оказываются на суше. Правда, это обычно происходит у Зои, так как та не любит покидать в Риме свою семью: мужа и двоих маленьких детей. Предугадывая мой вопрос, Эмма сразу сказала, что детьми занимается мама Зои.

Зоя принесла нам турку с ароматным кофе, сдобренным еще какой-то травкой, и маленькие фарфоровые чашечки. К кофе были предложены миниатюрные пирожные. Потом она присоединилась к нам и, заполняя паузу в разговоре, начала рассказывать Эмме что-то об общем знакомом. Я было обрадовался, что не приходится выдумывать на ходу новую тему для разговора, но она вдруг остановилась на полуслове, извинилась, что мешает нам разговаривать, и упорхнула к себе за стойку. Зато теперь я мог расспросить Эмму о Зое подробнее. Но ничего интересного не узнал. Обычная история: рано вышла замуж по любви с первого взгляда, ссорились, устали от неустроенности жизни (почти как в России, подумалось), разошлись. Поэтому очень ценит спокойствие второго брака. Да, обычная история.

Как ни тянуть кофе из таких маленьких чашечек, оно слишком быстро кончается. Эмма благодарила Зою, я пытался вытащить деньги из портмоне, но Зоя замахала руками: – Что вы, это же моя лучшая подруга. Какие деньги? Пришлось ретироваться, но за дверью я решительно за-

явил Эмме:

– Я так не могу. Давайте подарим что-нибудь Зое.

Мы зашли в ближайший магазинчик, и Эмма начала смотреть украшения:

– Смотрите, какая красивая цепочка, и камень приятный, как раз подойдет Зое.

– Но это искусственный. Синтетический гранат.

– А какая разница? Зато красивый.

– Если вы так считаете.

Я заплатил около ста евро, и мы возвратились к Зое.

– Что, случилось что-то?

– Нет, Андре хочет тебе показать...

Я вытащил коробочку, и Эмма с любовью одела цепочку на шею Зое:

– Посмотри в зеркало, как красиво. И тебе идет.

– Да, мне нравится. Кого я должна целовать?

– Его.

– Ее, она выбирала.

Мы еще посмеялись и пошли с Эммой в театр. Около театра была небольшая толпа, медленно втекающая в зал. На входе я еще раз убедился, что Эмму знают почти все сотрудницы. Увидев ее, улыбались, но внимательно рассматривали меня. Мне даже было немного не по себе от этих оценивающих взглядов. Конечно, будь я лет на десять-пятнадцать моложе, чувствовал бы себя увереннее. В зале увидел Лисбет и ее спутника. Они сидели недалеко от прохода, а мы се-

ли с той же стороны зала, но на несколько рядов ниже. Проходя на место, вынуждены были обратиться назад лицом, и я успел рассмотреть спутника Лисбет. Не так уж плох. Высокий блондин, лет на пять младше меня, крепкий, уверенный в себе. По крайней мере, мне так показалось. Вероятно – американец. Если он еще и экономически крепок, что ж, нормальный вариант. Лишь бы не был женат. Ну, это их дело, меня оно не касается. Эмма тоже кинула быстрый взгляд, не на Лисбет, вероятно, она ее уже немного знает, а на мужчину. Естественно, женское любопытство. Лисбет делала вид, что не смотрит в нашу сторону, а мужчина, ничего не подозревая, глядел куда-то мимо нас, вероятно, на сцену.

На сцене уже началось движение. Конферансье вышел и начал свои приветствия, хотя в зале еще рассаживались зрители. Но к моменту выхода первой группы танцоров все успокоились на своих местах. Эмма немного посмеивалась, уже много раз слушала и смотрела выступления этой труппы. Я тоже видел почти все. Конферансье, например, в точности повторил свои слова, сказанные в прошлый раз. Но мы делали вид, что нам интересно, хлопали вместе со всеми в ладоши. Не понравился мне дуэт Лейлы и Надира «Осталось глухо сердце твое» из «Искателей жемчуга». Показалось, что даме не удалось верхние ноты. Но я искренне хлопал, когда тенор остался один и исполнил романс «В сияньи ночи лунной...» из той же оперы. Конечно, не Собинов, но весьма прилично. Гимнастка, вытворявшая чудеса с обручем, то-

же заслуживала самых высоких похвал. Мы честно высидели весь спектакль. Да и куда пойдешь на этом ограниченном пространстве?

После театра я с сожалением проводил Эмму до шестого этажа. Дальше она мне категорически не разрешила проходить. В ресторан тоже отказалась идти. Я только спросил:

– И все? Мы еще увидимся?

Она только улыбнулась:

– Если захотим, то увидимся, хотя это трудно. До Марселя я в первой смене, а потом уже во второй.

– Хорошо, я это интерпретирую как согласие.

– Понимайте, как хотите. Спасибо за вечер, до свидания.

– Вам спасибо. Надеюсь на встречу.

Ужин проходил как обычно, только повара и официанты устроили шествие с подарочными тортами, бенгальскими огнями и грандиозным шумом. Потом мы все получили дополнительный кусок торта к десерту. Пустяк, а всем приятно. Я искоса наблюдал за столиком Лисбет. Она договорилась с соседкой по столу, и рядом с ней сел тот самый мужчина, которого я видел в театре. Пришлось проглотить и это. Впрочем – неважно. Да, были два совместно проведенных вечера. И все. Не о чем жалеть. Ночь прошла абсолютно спокойно.

Слежка?

26 октября, воскресенье.

Рано утром мы были уже в Валенсии. На выход пришлось идти мимо ресепшена, я улыбнулся Эмме и получил в ответ тоже улыбку. Сотрудники, занятые бесконечным потоком вопросов туристов, не обратили на это внимания. На выходе заметил несколько впереди Лисбет с ее спутником. Я не хотел догонять их и шел шагов на двадцать сзади. По-моему, Лисбет меня не видела. Когда нужно было садиться в автобус, ее спутник замешкался, показывая что-то Лисбет, и я успел проскочить мимо них и устроиться в заднем ряду. Я знал, что автобус идет в центр и возвращается потом в порт: уже ездил в прошлый раз этим автобусом. Мне были хорошо видны затылки Лисбет и ее мужчины. На одни и те же затылки смотреть долго неинтересно, и я стал рассматривать других пассажиров, вернее их затылки. Внезапно заметил, что в сторону этих же затылков смотрит мужчина в коричневой рубашке и белом кепи с большим солнцезащитным козырьком. Мне стало интересно. Может быть, это конкурент спутника Лисбет? Мужчина сидит на два ряда впереди меня, но с другой стороны автобуса. Лица не видно, но я его запомню: он высокий и кепи слишком заметное. Решил про-

следить немного за ним. Все равно делать мне нечего: прогулка по Валенсии, если имеешь в запасе менее трех часов, совсем не интересна. Так будет что-то вроде занятия. Возможно, оправдывал сам перед собой желание проследить за Лисбет.

Мы доехали почти до центрального рынка – знаменитого на всю Европу Mercado Central. Лисбет со своим спутником вышли совсем не далеко от него. Следом вышел и человек в белом кепи. Я тоже вышел, осматриваясь по сторонам, как будто впервые оказался в этом месте. Вся троица медленно пошла вперед. Я перешел на другую сторону улицы и медленно двигался, оглядывая витрины, но стараясь не выпускать их из своего поля зрения. Неожиданно заметил, что за этой троицей идет еще один человек в светло-зеленой рубашке и тоже делает вид, что разглядывает витрины. Это уже совсем интересно. У меня появился охотничий азарт. Впереди был виден центральный рынок. Поняв, что все мы идем именно к нему, побоялся потерять всю группу в этом грандиозном скоплении магазинчиков и прилавков. Пришлось перейти на их сторону. Теперь вокруг много людей, и можно приблизиться к последнему в этой небольшой процессии.

Внутри рынка все остановились. То есть остановилась Лисбет со своим спутником – рассматривают сыры, а мы, все трое «наблюдателей», делаем вид, что нам тоже что-то интересно на прилавках. Но здесь действительно есть на что посмотреть. Горы сыра всех сортов (мы стоим в этом отделе-

нии), дальше идут колбасы, а в следующих рядах рыба, морепродукты, овощи и вообще все-все, чем богата земля и море этого дивного уголка Испании. Но главное для меня – не отвлекаться. Можно натолкнуться в этой толчее на «наблюдателей» или на Лисбет. Мне это ни к чему. Уже ясно, что эти мужики – не претенденты на руку Лисбет. Дело хуже. Вероятно, оба, или хотя бы один из них, охотятся за ее колье. Я уже выяснил, что колье – туфта, но они ведь не знают. И Лисбет может угрожать серьезная опасность.

Мне удалось внимательно разглядеть лица обоих: и «белое кепи», и «светло-зеленую рубашку», так я их для себя определил. Был уверен, что в этой толпе они не смогут причинить вред Лисбет. Да и не было в этом смысла. Она одела на прогулку комплект хризопразов, так что ей ничего не угрожало. Мне даже непонятен был смысл этой слежки. Разве что первый хотел понаблюдать за спутником Лисбет, а второй выяснял что-то о первом. Теперь нужно будет узнать на корабле, где они живут. Лисбет пробыла на рынке около получаса, потом гуляла со своим мужчиной по небольшому кварталу, сплошь напичканному сувенирными лавочками. И, наконец, все кроме меня отправились в порт. Я не хотел светиться с ними в автобусе и подождал следующего.

Нет причин волноваться, что больше не увижу этих двух подозрительных типов. В следующий раз, когда Лисбет выйдет из каюты, обнаружу их где-нибудь поблизости. Во время обеда тоже не пытался увидеть их, но издали наблюдал

за Лисбет. После обеда она ушла к себе в каюту, а я прилег отдохнуть – день был какой-то напряженный. Проспал два часа.

Частный сыск, конечно, завлекает, но об игровом зале тоже нельзя забывать. Тем более что я уверен – Лисбет обязательно придет вечером играть. И, скорее всего, оденет «изумрудное» кольцо. Поэтому мне нужно явиться туда к самому открытию, чтобы закончить работу до ее появления. Я заскочил к шведским столам выпить наспех стакан кофе и устроился в читальном зале записать свои впечатления, благо он совсем рядом с игровым залом. Явился ровно к открытию и одним из первых занял место за тем же столом. Крупье уже помнит меня, помнит, что часть выигрыша достается ему. Не тот клиент плох, кто не проигрывает, а тот, кто не дает чаевые. Собственный карман все-таки важнее всего.

Начал он работу, имея всего трех игроков. Но потом подтянулись еще пятеро, и был открыт второй стол. Потихоньку работа пошла. Я сначала немного нервничал, вероятно, ожидал появления Лисбет и ее сопровождающих. В результате первые десять циклов проигрывал. Проигрывал совсем понемногу, но проигрывал. Пришлось выбросить из головы все сыскные мысли и полностью переключиться на игру. Еще через два цикла с головой ушел в игру, начал выигрывать и потихоньку поднимать ставки. Даже не заметил, как пришла Лисбет со своим сопровождающим. И только когда в очередной раз крупье пододвинул ко мне фишки, почувствовал ее

пристальный взгляд. На этот раз она сидела за соседним столом справа от меня. Рядом с ней внимательно всматривался в движение шарика ее спутник. Он никак не мог видеть ее взгляд.

Все, дальше играть бесполезно. Все равно я не смогу сконцентрировать внимание на этих черно-красных полях. Нужно отдохнуть. Я ставил иногда одну-две фишки, чтобы меня не попросили освободить место, но уже не интересовался результатом. К своему удивлению, проиграл за следующие десять минут всего пять евро, так как несколько раз выигрывал мой цвет. На более сложные ставки не решался. Зато мог часто приподнимать голову и наблюдать за зрителями вокруг столов.

Да, сначала появился тип с «белым кепи». Правда, никакого кепи на нем не было. Он был одет в строгий коричневый костюм, белоснежную рубашку и модные тоже коричневые ботинки. Я начал искать глазами и обнаружил второго типа возле стены. На нем была голубая рубашка в полоску и светло-серые брюки. Ботинки разглядеть было невозможно. Интересно, сколько времени они будут околачиваться около наших столов? Время шло, мне уже все надоело, а Лисбет по-прежнему не уходила из зала. Оказывается, ее спутник просто прилип к столу, так был увлечен игрой. Он не пропускал ни один цикл, ставил фишки весьма нервно. Вероятно, здорово проигрывал и хотел отыгаться. Совершенно неправильная тактика. Проигрываешь – уходи от стола. Все

равно ты не сможешь не делать ошибки.

Нужно заметить, что при спокойной игре общий выигрыш рулетки небольшой, статистически меньше трех процентов от суммы ставок. На такой уровень доходности рассчитаны коэффициенты выдачи выигрышей. Фирма должна выигрывать только при большом объеме ставок. Но всегда за столом имеются нервные и жадные люди, которые делают заведомо бесполезные ставки. Я уже говорил об этом, когда описывал ставки одного из игроков в предыдущий раз. Возможно, к таким игрокам относится и спутник Лисбет. Порадовался почти презрительному взгляду, которым она однажды наградила своего спутника при очередном проигрыше. Не хотел бы быть в этот момент на его месте.

Снова секреты

Честно говоря, у меня тоже был проигрыш в этот раз, но совсем небольшой. Я встал из-за стола, обменял оставшиеся фишки в кассе и присоединился к зрителям, встав у стенки подальше от обоих преследователей Лисбет. Теперь мне хорошо был виден второй человек, который наблюдал не за Лисбет, а за парнем в коричневом костюме. Мне показалось, что сегодня Лисбет ничего не угрожает, ведь на ней комплект хризопразов. Можно отправиться на шестой этаж. Эммы там уже не было, ее смена давно кончила свою работу. Пошел к театру, но в коридорах перед театром ее тоже не нашел, хотя зрители начали подходить. Совсем испорченный вечер? Решил проверить восьмой этаж. Действительно, у Зои сидела Эмма. Перед ними стояли бокалы с вином. Но они, не притрагиваясь к ним, что-то обсуждали. Постоял в нерешительности около двери, но Зоя увидела меня, улыбнулась и помахала приветливо рукой. Я понял это как предложение зайти. Теперь и Эмма увидела меня. Она была еще в служебной одежде, наверное, зашла к Зое сразу после смены и засиделась.

– Что обсуждаем, дамы?

Я сразу же попытался установить шуточный настрой.

– Вас, Андре Шпильман!

– Конечно, не вас.

Думаю, вы поняли, что по фамилии меня назвала Зоя.

– И что плохого вы обнаружили в вашем покорном слуге?

– Почему вы думаете, что мы должны что-то искать в вас?

– Эмма, не нужно так раздраженно. Я еще не успел сделать сегодня ничего плохого. Разве что проигрался в рулетку.

– Наконец-то. А то вы слишком самоуверенны.

– Ну чем я провинился? Объясните.

– Эмма просто устала, и завтра у нее очень тяжелый день – пересмена с дневного дежурства на ночное.

– Извините, я забыл. Не буду мешать.

– Ну нет. Без бокала вина я вас не отпущу.

Зоя пошла к стойке, налила мне бокал вина. Я поднес его к носу, понюхал. Вроде обычное къанти. Стал понемногу цедить его, чтобы затянуть время.

– А вы не поддержите меня? В одиночку как-то непривычно пить.

Зоя подтолкнула Эмму, подняла свой бокал:

– С удовольствием! Хочется выпить за то, чтобы я увидела вас обоих у меня дома. И чтобы у вас было хорошее настроение.

– Зоя, о чем ты? Андре через два дня возьмет чемодан в руки и улетит в свой Израиль.

– Так. Зоя, просветите меня. Я слышал, у Эммы имеется жених. Надеялся, что мне в Израиль пришлют приглашение на свадьбу.

– Претендент имеется, но мне кажется, Эмма не собира-

ется пока выходить замуж, по крайней мере, за него.

– Только не беспокойтесь, Андре. Вас я не рассматриваю как претендента.

– Куда уж мне, в мои пятьдесят восемь лет. Я их не скрываю, так как вы, Эмма, давно просветили всю мою подноготную в интернете.

– Но о вас там не слишком много информации.

– Ну, я ведь не **Роджер Федерер** и не Лионель Месси. Я бывший учитель истории в школе.

– Учитель? Странно, думала вы геолог или геммолог. Я нашла в интернете ссылки на две ваши статьи о драгоценных камнях Урала.

– Это хобби, юношеское увлечение. Тем более что я там ничего нового не сказал. Ладно, дамы, не буду вам мешать.

Распрощался и вышел. Настроение не поднялось. Можно идти в театр, но не хочется. Библиотека закрыта, играть я уже сегодня играл. Да в таком настроении бесполезно идти к рулетке. Пошел к лифту и поднялся на тринадцатый этаж.

Что мне нужно – ничего? Почему ничего не получается в жизни? Почему я почти всегда один? Наверное, сам виноват. Но почему так? Не хватает еще разреветься. Впрочем, это уже перегиб. Никогда я не позволю себе так проявить эмоции. Лучше улыбаться, чем плакать. Да, конечно: лучше быть молодым и богатым, чем старым и бедным. Глупости. Я не старый и не бедный. У меня есть все, кроме семьи. У меня квартира в Израиле и квартира в Москве. Мне вполне

хватает на жизнь. У меня сын – Костя – в Москве, который хоть и не близок мне, но старается поддерживать со мной нормальные отношения. Я два месяца в году могу отсутствовать в Израиле, могу ехать, куда хочу. Ни перед кем не отчитываюсь. Почему же у меня плохое настроение? Только из-за того, что Лисбет гуляет с этим американцем?

Не спеша шел к лестнице на свой этаж, поднялся и подошел к двери. Но в этот момент открылась дверь каюты Лисбет, и она вышла в коридор:

– Андре, нам нужно поговорить.

– Хорошо.

Я уже открывал свою дверь. Мы молча прошли в каюту, я пригласил Лисбет сесть на стул возле журнального столика:

– Что случилось?

– Джо сломал ногу.

– Да? Джо – это ваш спутник?

– Да.

– Ну и что в этом особенного? Многие ломают ноги. А здесь это нетрудно. Он что, поддатый был?

– Нет, кто-то дал ему подножку на лестнице, он скатился и повредил ногу.

– Почему вы говорите это мне? Я не врач.

– Андре, вы притворяетесь или действительно не понимаете? Это было сделано специально, очень грубо.

– А кто сделал? Этот тип в коричневом костюме?

– Какой тип? Что за предположение? Вы что-то знаете?

– Тип, который преследовал вас и Джо в Валенсии, а потом пялился на него в игровом зале.

– Так. Вы можете объяснить мне толково или будут только загадки?

– Лисбет, в Валенсии в автобусе и потом в Mercado Central за вами и Джо все время следил человек в коричневой рубашке и белом кепи с большим солнцезащитным козырьком. Потом он появился в игровом зале, но уже в коричневом костюме.

– Андре, вы на кого работаете? На ГРУ, Ми-5 или на Моссад?

– При чем тут Моссад, графиня Лисбет Колсберг? Что, у меня глаз что ли нет?

– Но почему вы следили за ним? Или вы следили за нами?

– Нет, вероятно, это вышло случайно. Я просто ехал в том же автобусе, а потом мне стало интересно. Все же мы соседи.

– А мою фамилию вам сказала Эмма?

– Да, она упомянула, наверное, хотела выяснить, в каких мы отношениях.

– И что вы ей сказали?

– Правду, что никаких отношений, интересующих ее, у нас нет. Но я соврал, что мы почти друзья.

– Ну хоть это сказано почти правдиво. А в остальном я вам не очень верю.

– Что же тогда говорить мне? Я ведь не уверен даже, что вы действительно Лисбет Колсберг. Кроме того, вокруг вас

активно концентрируются неприятности. И все из-за этого чертового кольца. Сдали бы его в корабельный сейф.

– Вы это уже говорили. Кстати, поэтому я и не хочу, чтобы вас видели около меня.

– Какая трогательная забота. Нет уж, я позабочусь о своей безопасности сам. Кстати, почему вы не около избранного вами Джо?

– Тоже кстати: я его не избирала, ни за что не выбрала бы. Он заказал вертолет, возможно, уже покинул наш корабль.

– Почему такой неприязненный отзыв о нем? Мне он показался симпатичным, уверенным, богатым джентльменом.

– Видели бы его, когда он играл.

– Видел. Но это не лучший момент для оценки индивидуума. Когда человек проигрывает в чем-то, и он это понимает, лучше на него не смотреть.

– Может быть. Я предупредила, будьте осторожны. Не хотелось бы, чтобы эти неприятности коснулись и вас. Все-таки мы, как вы сказали, почти друзья.

– Спасибо, Лисбет. Или, если мы почти друзья, можно вас называть Лиззи?

– Называйте.

Я закрыл за Лисбет дверь и задумался. Все странно. Странно, что Лисбет знакома с Эммой. Странно, что покалечили Джо. Странно, что нападали именно на нашего коридорного, чтобы отнять универсальный ключ. Странно упорство Лисбет относительно злосчастливого кольца. Странно, что

меня пока ничто не коснулось. Странно, что я принимаю все это так близко к сердцу.

Я вышел на балкон, возможно, надеялся, что Лисбет тоже выйдет. Но ее не было. Остается только смотреть и слушать телевизор. Промучился около часа, не нашел ничего интересного и, наконец, улегся спать.

Депрессия

27 октября, понедельник.

Следующее утро застало нас в Марселе. Вышел на другой борт, посмотрел на бесконечный путь к берегу, подумал о том, что мог бы увидеть в Марселе, и не принял никакого решения. Идти в город, смотреть на бесчисленное количество негров, отбиваться от их настойчивых предложений купить что-нибудь. Зачем это мне? Марсель я уже видел. И это не лучший из городов Средиземноморья. Я пошел завтракать. За столом около окна сидели Иржи и Марица, с которыми мы ездили по Палермо. Мы с ними не встречались с тех пор – они живут на девятом этаже. Марица сразу замахала мне, предлагая присоединиться к ним. Только я поставил свой поднос на стол, как Марица набросилась на меня:

– Андре, вы тоже идете в город? Не хотите походить вместе с нами? Вы так интересно рассказывали в прошлый раз. Но это было так много, я, кажется, ничего не запомнила. Помню, что там правили два немца, Фридрихи, кажется. А почему там были немцы? Они и тогда завоевывали Италию? А кто завоевывал Марсель?

Она говорила так быстро, не давала мне вставить слово. А Иржи молчал. Впрочем, он и в Палермо говорил нечасто. Я

даже подумал было, что он ревнует немного. Но потом убедился, что это просто черта характера – не жаждет говорить благоглупости. Пришлось разочаровать Марицу:

– Нет, я не планирую выход в город. Мне немного нездоровится. Но вам будет интересно. Попробуйте где-нибудь около порта местный рыбный суп. Обычно его здесь хорошо готовят. И не стесняйтесь отказывать неграм, если будут слишком приставать со своими товарами.

Марица продолжала что-то говорить. Я одобрительно кивал время от времени головой. Впрочем, ей было достаточно просто иметь слушателя. Она долго рассказывала свои впечатления о Пальма-де-Мальорка. Ей там все понравилось, особенно гигантский магазин недалеко от порта. И она права. Я тоже был там два раза. Впечатления весьма сильные. Один зал окороков чего стоит. А длинные ряды сыров! Сыров всех типов, на любой вкус. И даже почти на любой карман. Если бы туда привести «гражданина из Совка», он бы упал в обморок. Впрочем, я не знаю, был ли уже этот магазин, когда еще существовал «гражданин из Совка».

После завтрака обязательная прогулка по тринадцатому этажу (или лучше сказать «по тринадцатой палубе»?). Еще не жарко. Да и какая жара на море осенью? Но бассейны заполнены. Наверное, не я один не захотел бродить по улочкам Марселя. Взял покрывало у дежурного негра, устроился на лежаке и смотрю вокруг. А вокруг не только малолетки и матроны. Откуда-то появилось много стройных деву-

шек. Приятно посмотреть. Я понимаю, что для меня осталось почти единственное развлечение – «смотреть». Смотреть и вспоминать. Вспоминать свою молодость, Анну, когда она еще не была моей женой, и мы вместе отдыхали в Крыму. (О поездке за рубеж тогда можно было только мечтать.) О наших ночах на снимаемой по полтора рубля за ночь вранде. О бесконечной прогулке по Солнечной тропе, о прекрасных крымских винах, которые особенно хороши, когда их пьешь в молодости с любимой девушкой.

Закрыв глаза и долго плавал в воспоминаниях. Неужели у меня уже впереди ничего нет кроме воспоминаний? Да, если буду бесконечно блаженствовать на лежаке под этим все более горячем солнцем. Кстати, не обгореть бы. Хоть и осень, но солнце печет. Встал и передвинул свой лежак в тень. Но здесь слишком прохладно. Черт, никак не угодить мне. Разозлился на себя, оделся, сдал негру покрывало и пошел в читальный зал. Писать не хотелось, да и не захватил я свой блокнот и ручку. Пришлось снова вытаскивать ту самую немецкую книжку. Не стал читать подряд. Открыл где-то у самого конца и погрузился в замысловатые рассуждения. Не все мне было ясно, так как пропустил около восьмидесяти страниц, но основное было понятно. Население планеты восстало теперь против гладиаторов-угнетателей. Главная героиня терпела одно поражение за другим и наконец бесславно погибла. А жители планеты организовали еще одну экспедицию для поимки на соседней планете новой пар-

тии гладиаторов. Все стало «на круги своя».

Книга кончилась, но обедать идти еще рано. Интересно, что делает Лисбет? Я отправился к себе на четырнадцатый этаж. Постучал в соседнюю дверь. Никакого отклика. Потрогал дверь – заперта. Пошел к себе. До обеда и после обеда ничего не произошло. Только после отплытия пытался рассмотреть слева на островах замок Иф. Было плохо видно даже при большом увеличении фотоаппарата. Так мне и не удалось в этот раз сделать хорошую фотографию замка.

Когда открылся игровой зал, я, естественно, был в первых рядах. Нужно отыгратья за прошлый день. Хотя бы символически. Не буду рассказывать детали, скажу только, что отыгрался прилично. В кассе получил дополнительно двести евро и довольный отправился бродить по кораблю. Лисбет случайно нашел в танцевальном зале. На самом деле это зал с креслами для зрителей, посредине которого большой открытый со всех сторон помост. На помосте руководительница – дама средних лет в зауженных брючках – пытается научить какому-то танцу пятнадцать-двадцать пар. Я не считал их, но было много. Дама последовательно показывала очередное па. Народ пытался подражать ей. После нескольких попыток руководительница включала музыку, и народ пытался повторить все па с самого начала. Ну просто как в пионерском лагере, только вместо девочек с косичками и мальчиков в коротеньких штанишках солидные дамы и мужики топчутся на деревянном помосте.

Внезапно увидел Лисбет. И с кем? Не поверите, с тем самым мужиком в коричневом костюме. Дождался, пока место освободится. Или сам помог освободить его. Они не спеша прошли мимо зала, не заметив меня. Я встал и пошел за ними, стараясь не слишком приближаться. Они дошли до лифта, идущего на наши этажи, и расстались. Лисбет поехала вверх, а мужик поднялся по лестнице на два этажа выше. Последовал за ним. Я подозревал, что он может помнить меня по первым дням, когда мы прогуливались по кораблю с Лисбет. Возможно, что он уже тогда следил за ней, поэтому старался идти далеко от него. Но он даже не оборачивался, не проверял, идет ли кто-нибудь за ним. А зря. Наконец он скрылся за одной из дверей. Я не понял, в какую каюту он зашел. Это была 927-я или 929-я каюта. Больше сегодня ничего не узнать. Можно, конечно, пойти к Эмме, рассказать ей все и узнать, кто живет в этих каютах. Но я был уверен, что Эмма устала и не будет слишком рада моему интересу к делам Лисбет. Поэтому просто пошел к себе в каюту.

Надеялся, что Лисбет сама постучит ко мне в дверь, и я смогу называть ее Лиззи. Но этого не произошло. Пришлось включить телевизор. Мне не хотелось слушать последние известия. Слишком они в последнее время не то чтобы печальные, но безрадостные. Поймал на каком-то канале «Аиду» в исполнении труппы Ла Скала и слушал, закрыв глаза. Исполнение на итальянском, которого я практически не знаю. Но слова не очень важны, особенно если слушал или смот-

рел оперу уже неоднократно. Наконец опера закончилась, я выключил телевизор и успокоенный лег спать.

Генуя

28 октября, вторник.

Утром мы подходим к Генуе. Геную я люблю, был в ней три раза. И все равно с удовольствием пройду по ее улицам, полюбуюсь на дворцы, на порт. После завтрака долго колебался. Лисбет, наверное, занята своими матримониальными делами. Эмма отдыхает после тяжелой ночи. Идти гулять в одиночестве по городу не хочется. В этот момент был бы рад даже чешской парочке, но их нигде не видно, а номер их каюты не знаю. Я решил и зашел на восьмой этаж к Зое. Она была удивлена, но приветлива:

– Андре, Эмма, наверное, еще спит. Она легла совсем недавно.

– Да, Зоя, я знаю, но может быть она захочет погулять по Генуе?

– Не думаю, она устала, но могу позвонить ей, узнать.

– Это было бы хорошо, но извинитесь сразу от моего имени.

Зоя набрала номер, подождала довольно долго и начала быстро говорить что-то по-итальянски, посматривая время от времени на меня. Я немного знаю итальянский, вернее отдельные слова. Но понимать итальянцев мне никогда не

удавалось. Слишком быстро говорят. Наконец она протянула мне трубку.

– Доброе утро, Эмма. Извините, что бужу вас. Но утро такое прекрасное. И Генуя, Генуя просто прелесть. Может быть, мы погуляем вместе, полюбуемся утренней Генуей, посидим в тихом кафе?

По интонации почувствовал, что она где-то там далеко улыбнулась:

– Андре, я очень устала, понимаю, что вам нравится Генуя, но по ней можно погулять и в одиночестве. Вы действительно хотите, чтобы я составила вам компанию?

– Я вас так долго не видел.

Зоя отняла у меня трубку и начала что-то выговаривать Эмме. Потом положила трубку и обратилась ко мне:

– Сейчас она приведет себя в порядок и поднимется сюда. Хотите чашечку кофе?

– Я уже позавтракал, но то кофе не идет ни в какое сравнение с вашим.

– Понятно, сейчас приготовлю.

Я с удовольствием тянул кофе, а Зоя возилась за своим прилавком, готовя кафе к рабочему дню. Через десяток минут появилась Эмма. Не сказал бы, что бессонная ночь отразилась на ней. Была весела и оживленна. Правда, потом по секрету сказала, что ночью они по очереди дремлют в служебной комнате прямо в кресле. Зоя угостила и Эмму чашечкой кофе и выгнала нас гулять.

В порту хотел сразу же взять такси, но Эмма предложила пройти пешком:

– Здесь центр совсем рядом. Лучше прогуляться. Заодно я покажу вам очень красивый корабль.

Парусный корабль в порту я уже видел по меньшей мере два раза, но он действительно красив. Можно полюбоваться и в третий раз. И мы смотрели и фотографировали его со всех сторон. Типичный грозный пиратский корабль с сорока настоящими пушками и паутиной матч, рей, парусов, веревок (или как там они называются). Просто красота.

И путешествие по улочкам старого центра с бесконечными трех-четырёхэтажными дворцами. Дворцы немного потрепаны временем, но все равно выглядят внушительно. И вот мы вышли на широкую площадь перед Дворцом Дожей. Это настоящий дворец, как мы их обычно представляем. Проходим насквозь по залам первого этажа и попадаем на маленькую площадь, застроенную небольшими (временными?) павильончиками. А в них море сыров. Лучше это не описывать. Это нужно видеть, а еще лучше – обонять. Но, конечно, еще лучше покупать и вкушать. Не утерпел и купил особенно дорогой сыр, про который хозяин говорил (божил-ся), что такой сыр не найти нигде. Сыр действительно был какой-то особенный. Я не специалист по сырам, но позднее в Германии с большим удовольствием отведал (с Лисбет) этого сыра.

Потом сидели с Эммой в небольшом ресторанчике рядом

с тенистым парком, пили неплохое местное вино и долго разговаривали. Она рассказывала о себе, о своем детстве в захолустном горном городишке в области Марке. О том, как после школы окончила в Риме курсы менеджмента и долго не могла устроиться на работу. Даже хотела вернуться в ненавистный городишко. А потом попала на корабль, продвинулась до начальника смены. Но жизнь на корабле не оставляет времени для друзей. Да и нет у нее в Риме друзей, кроме Зои. Она живет уже почти четыре года на съемной квартире. Надеется еще через несколько лет купить квартиру, но это войти в большие долги банку. Тут я ее прервал:

– Лучше было бы найти хорошего мужчину с квартирой.

– Конечно. Но где его найдешь?

– Но сколько мужчин проходит перед ресепшеном на корабле.

– У них только одно на уме – завести на пару дней интрижку. А потом вернуться к своим женам и детям. Вы ведь тоже вернетесь к жене и детям?

– Сын у меня имеется, в Москве, Костя. А с женой мы уже больше двадцати пяти лет в разводе.

– Почему? Почему сын в Москве?

– Он чуть больше года пожил в Израиле, помог мне купить квартиру и уехал домой в Москву.

– Как купить? Что, у него много денег?

– Нет, деньги были мои, но я не мог сам купить. Не буду вам голову засорять израильскими загибонами. Он уехал,

еще через пару лет я выплатил кредит за его квартиру и теперь спокойно живу в ней, да еще получаю от государства деньги на съем.

– А в Москве? Вы жили в Москве?

– Да, но московскую квартиру я не стал продавать, и это мне хорошо помогает. Вот, могу отдыхать каждый год пару раз в Европе. Да еще и рулетка в запасе. Вы обратили внимание на мою фамилию?

– А что она означает на русском языке?

– Не на русском. Это на идиш что-то вроде «игрок».

Эмма удивленно заметила:

– Что-то все сложнее и сложнее у вас.

– Да, пожалуй, вы правы. Но такова жизнь.

– Ой, нам нужно возвращаться. Мне еще нужно отдохнуть перед ночной сменой. Боюсь, мы уже не увидимся.

Она дала мне листочек бумаги, на котором написала телефон и адрес:

– Будете в Италии – звоните. Если я буду дома, буду рада вас видеть.

– Возможно, в Италии буду уже завтра. Я ведь собирался побыть пару дней в Риме.

– Тогда звоните или заходите.

– Спасибо.

Развязка

Мы действительно вернулись. И вовремя. Пора было идти обедать. После обеда в каюту ко мне постучалась Лисбет. Была взволнована и вся напряжена. Выпала:

– Ночью на корабле пропал человек.

– Может быть, просто сошел утром на берег?

– Нет, проверяли, его среди сошедших на берег нет.

Мне стало неприятно. Сразу вспомнился мужчина в коричневом костюме.

– А кто это, ваш новый поклонник?

– Какой поклонник?

– Ну, тот, в коричневом костюме, с которым вы гуляли вчера вечером. Который живет в 927-й каюте.

– 929-й? Вы что-то знаете о нем? Да, пропал именно он.

– Неудивительно, наверное, с ним расправился еще один ваш поклонник.

– Не смейтесь, Андре. Нет ничего смешного. Возможно, его ночью выбросили за борт.

– Да я и не смеюсь. У вас же был еще один поклонник. Человек, который следил в Валенсии за этим, который из каюты 929. Который тоже был в игровом зале. Мужик в голубой рубашке в полоску и светло-серых брюках.

– Почему вы мне ничего не рассказали о нем?

– А вы меня спрашивали? Я думал, что все они хотят

предложить вам руку и сердце.

– Не нужно насмешек. Здесь очень серьезное дело. Речь о жизни человека.

– Я не смеюсь, но и не плачу. Мое дело – сторона. Это ваше кольцо всем жизнь портит. Говорил я вам...

– Я уже говорила, что не могу сдать его в корабельный сейф.

– Конечно, там сразу определяют, что это туфта. Что графиня Лисбет Колсберг, или как вас там на самом деле, носит дешевые погремушки.

– Не вам судить обо всем этом.

– Тогда и не спрашивайте меня ни о чем.

– Вы бы могли опознать этого второго «поклонника», как вы говорите?

– Не уверен... В Валенсии я его видел издалека, а в игровом зале у стены было плохое освещение. Я его узнал по характерному виду носа и по прическе. В Валенсии и в игровом зале он был без головного убора.

– Но все же, могли бы опознать?

– Графиня, вы из полиции? Нет? Тогда чего суетиться? Найдут его. Найдут те, кому положено. Возможно, живого. Я думаю, вам больше нужно беспокоиться за свою безопасность. Устраняют тех, кто рядом с вами.

– А почему вы не беспокоитесь за себя? Вы тоже рядом со мной.

– Нет, я отделен от вас стенкой. И мы давно не ходим вме-

сте. Потом, я мужчина и не разеваю рот на происходящее рядом.

– Но вы слишком уж много знаете. В Чивитавеккья вами, наверное, заинтересуется полиция.

– А еще говорите, что вы, графиня, не из полиции. Откуда им знать, что мной нужно интересоваться? Только если вы им подскажите.

– Не сердитесь, Андре, что еще вы знаете?

– Только то, что сегодня ночью на вас будет нападение. Если вы будете вечером в колье, то нападут по дороге. Если без колье, то ночью, часика в два.

– Какая точность. И вы будете говорить, что не связаны со всем этим делом?

– Конечно, это ведь элементарно, как неоднократно говорили доктору Ватсону.

– Почему?

– Раньше было нельзя. Могли бы устроить обыск, разобраться. Было бы время. Завтра бесполезно, вы будете уже в Риме. Самое подходящее: сегодня вечером или ночью. Лучше ночью. А утром пораньше смыться, пока очередную жертву не обнаружили с проломленной головой.

– Хорошенькая перспектива.

– Какая есть. Так что вечером остерегайтесь ходить с кем-нибудь. Ведь убьют или покалечат третьего поклонника. А ночью хорошо заперитесь и не выходите до самого прибытия в Чивитавеккья.

– А вы можете понаблюдать за мной и моим окружением вечером?

– Серьезно? С удовольствием. Буду на десять шагов позади. Только внезапно не исчезайте. Но лучше было бы предупредить службы корабля и свалить все заботы на них.

– Исключено.

– Как знаете. Вы пойдете сегодня играть?

– Не знаю. Нужно?

– Лучше не изменять свои привычки. Все должно быть как всегда.

– Тогда я пойду к себе. А без пяти шесть пойду в игровой зал.

– Договорились, я пойду в шесть. Думаю, сейчас лучше поспать, чтобы ночью быть бодрыми.

Спал почти два часа, а потом ждал условленного времени. Ровно в шесть вышел из каюты. Лисбет в коридоре уже не было. Она сидела за столом моей обычной рулетки и изредка ставила ставки. Я не собирался чрезмерно терять время, так как был уверен, что мужик в голубой рубашке придет еще не скоро. Да и не сможет он ничего сделать, пока Лисбет, сияя своими «бриллиантами и изумрудами», сидит за столом. Поэтому сразу сосредоточился на игре. Прошло минут тридцать, «голубая рубашка» не появлялась, я уже начал думать, что он вообще не придет. Выигрыш почти достаточен, то есть в любой момент можно прекращать игру. Куда же он все-таки запропастился?

Нужно прекращать игру. Я подал знак Лисбет и попросил крупье обменять фишки. Опять четыре фишки оказались лишними, и они достались крупье. Интересно они наклоняют голову в знак признательности. Лисбет встала вслед за мной, но ей менять было нечего. Опять все проиграла. Да ничего другого не могло и быть: слишком взволнованна. Я прошел в кассу, обменял фишки и еще раз в зеркале осмотрел присутствующих в зале. Конечно, интересующий меня тип мог быть отнюдь не в голубой рубашке, но я великолепно помнил его лицо. Для Лисбет просто валял дурака, говоря о сомнениях в опознании. Типа не было. Лисбет прошла по всему седьмому этажу, потом спустилась к шестому и вышла на незащищенную часть палубы. Опять никого. Догнал ее, сказал, что вечером ничего не произойдет, и предложил подождать до ужина в своей каюте, тем более что начал накрапывать дождик. По моему мнению, нужно было оставить открытым переход через балконы наших кают. Мы действительно вернулись в каюты, и я помог Лисбет открыть переход. Все, можно отдыхать.

Пришло время ужина. Тишина. После ужина мы еще немного погуляли и заперлись в своих каютах. Кстати, никаких сообщений по судовому радио о пропаже человека. Как будто так и надо. До половины двенадцатого слушал передачи по телевизору, потом выключил его, сел у выхода на балкон, делаю вид, что в каюте все спят. Время ползет медленно. Вспомнил даже наш городишко, сегодня заседание клу-

ба, вот сейчас наши ребята пьют последнюю рюмку водки на посошок. Я даже знаю, в каком ресторане пьют. Хотя нет, там уже почти час ночи, все разъехались по домам. Поглядываю на часы в каюте, голубые цифры на циферблате движутся слишком медленно. Полночь, час, почти два часа, но ничего не происходит.

И вдруг слышу в соседней каюте слабый вскрик. Это сигнал Лисбет. Тут же вскочил с места, бросился на балкон Лисбет, потом в каюту. На кровати боролись два человека. Я присоединился к ним, забыв включить свет. С трудом определил, где Лисбет, а где мужик, и стукнул его кулаком по затылку. Никакой реакции. Он по-прежнему пытается задушить Лисбет. Наконец я изловчился стукнуть его ребром ладони у основания черепа. Он сразу перестал бороться. Лисбет сбросила его с себя и потянулась включить свет. А я, наоборот, уселся на мужика, придавливая его к постели. Он захрипел. При свете увидел, что это действительно тот самый мужчина в голубой рубашке. Правда, теперь он был в темно-синей рубашке. Лисбет стянула ему руки за спиной скотчем. Откуда скотч и откуда у нее такие навыки?

Она тут же позвонила по телефону, и через несколько минут к нам прибежали два офицера службы безопасности корабля. Все, дальше меня уже ничего не касается. Однако это отнюдь не так. Через час ко мне постучали, и два других офицера сняли с меня показания. Остаток ночи мне удалось поспать.

Предложение

29 октября, среда.

Утром, на подходе Чивитавеккья, у нас состоялся разговор с Лисбет.

– Вы, наверное, ждете объяснения?

– Да уж. Неплохо было бы.

– Я агент службы безопасности крупной страховой компании. Нам пришлось два раза платить страховое возмещение за пропавшие на этом судне драгоценности. Поэтому я вынуждена была носить эти проклятые безделушки. Пропавший мужчина был моим напарником. Наверное, он был неосторожен, раз преступнику удалось расправиться с ним. Семье будет выплачено страховой компанией крупное возмещение.

– Известно, кто этот бандит?

– Да, один из судовых механиков.

– А я-то как попал в эту переделку? Вы меня специально завлекли?

– Вспомните, ведь вы сами все время совали нос не в свои дела.

– Да? А что бы вы сейчас делали без меня? Тоже плавали бы за бортом?

– Андре, простите. Я совсем не хотела вовлекать вас во все это. Но после гибели напарника у меня не осталось никого, кто бы мог помочь мне. А привлекать судовую службу безопасности – значит расписаться в своей беспомощности. Поймите, я вам очень благодарна.

– Жалко, я надеялся, что вы относитесь ко мне не только как к помощнику. Надеялся в первые два дня.

– Я к вам очень хорошо отношусь. Мне было приятно с вами работать.

– Вот именно. Работать. Спасибо. Мне почти не удалось называть вас Лиззи.

– Боже мой! Называйте, я буду рада.

– Но мы же через час расстанемся и больше не увидим друг друга.

– А вы хотите встретиться?... Ведь это проще простого. Поступайте к нам на службу, и, уверяю вас, мы даже надоедим друг другу.

– Какой идиот возьмет меня на работу: старого, слепого, глухого.

– У вас будет прекрасная рекомендация – от меня.

– Лиззи, вы это серьезно?

– Абсолютно серьезно. Вы плохо видите, но видите то, что не видят другие; вы, по вашему мнению, старый, но справились с сильным бандитом; я подозреваю, что вы и слышите с аппаратом то, что другие не услышат. Мои рекомендации вам будут обеспечены.

– А зачем это мне? Я получаю нормальное пособие от государства. Если я уеду из страны, меня лишат его. Как я обеспечу свою жизнь, работая с вами?

– Есть небольшая постоянная зарплата, но основные деньги платятся за выполненную работу. Сейчас нам с напарником должны были заплатить пятьдесят тысяч евро. Я получу свою половину.

– Не так уж плохо. Не жалко проигранные в казино деньги. А работа действительно есть?

– Да. Через день я поеду в Германию. Там есть для меня дело. Хотите быть моим напарником, Андре?

– С вами я хоть на край света, Лиззи.

– Не устраивайте комедию. Сегодня я отчитываюсь здесь в Италии и пишу отчет своей конторе. Завтра будьте готовы к отъезду. Я уверена, что моя рекомендация сыграет свою роль. Но придется написать коротенькое резюме.

– С моим резюме меня никуда не примут.

– Это мои проблемы. Резюме я напишу за вас сама. Вот мой телефон. Позвоните, если у вас будут проблемы. Да, только не надейтесь ни на что, кроме имени Лиззи. Это понятно?

– К сожалению, понятно. Но надеяться мне никто не может запретить, даже вы.

Лиззи рассмеялась, вписала в свой телефон номер моего телефона.

Часть II

Меч архиепископа Хильдебольда

Рим

29 октября 2014 года, среда.

Прощанье с Лисбет было несколько натянутым. У меня осталось впечатление, что между нами повисла тень недоговоренности. Но лучше так, чем четкий отказ. Впрочем, зачем это мне? Нужно ли принимать ее предложение о совместной работе? Какой из меня работник? Но все это потом. Сейчас я тащился со своим чемоданом к автобусу. Автобус, поезд, и я снова в отеле. На мое счастье места имеются. Уже не очень стеснен в деньгах и поэтому взял на один день приличный номер за сто пятьдесят евро. Перекусил в кафе, расположенном прямо в отеле, и вышел погулять. Отель недалеко от фонтана Треви, и меня потянуло к нему. Люблю смотреть на эти постоянно текущие мощные струи. Они притягивают взгляд, трудно оторваться. Не мешает даже вечная толпа, окружающая фонтан днем и до поздней ночи. Потом, непонятно зачем, поднялся до площади Испании. Глядеть

там нечего – много раз бывал. Но уже сложился ритуал. Если я в Риме, то стараюсь посетить фонтан Треви, площадь Испании с ее лестницей и площадь Венеции (посмотреть на колонну Траяна). Колизей меня не привлекает. Он какой-то холодный, или мне так кажется? До площади Венеции идти сейчас далеко, а ехать на общественном транспорте не хочется. Прогулялся еще немного по улицам и присел отдохнуть в маленьком скверике.

Делать вечером абсолютно нечего. А ведь придется ждать звонка Лисбет до завтрашнего вечера. Посмотрел на часы. Вероятно, Эмма уже приехала домой. Позвонил ей. Она действительно была дома и пребывала в хорошем настроении, судя по ее голосу.

– Андре, вы еще в Риме?

– Да, я же вам говорил. Буду здесь сегодня и завтра. Завтра вечером улетаю, но еще не решил куда.

– Вы один? То есть сейчас вы один?

– Да, прогулялся по Риму, сижу в скверике, недалеко от площади Испании, отдыхаю от этой поездки.

– Я тоже в курсе ваших с Лисбет приключений. А где она?

– Не знаю, говорила, что завтра летает в Германию, кажется в Кёльн.

– Так вы действительно один? Или у вас здесь есть кто-то?

– Да нет, у меня здесь нет приятелей. А что вы делаете сегодня вечером?

– Это завуалированное приглашение?

Эмма рассмеялась и продолжила:

– Я, наверное, пойду к Зое, она приглашала отметить наше возвращение. Вы не хотите к нам присоединиться? Кроме Зои с мужем и меня никого больше не будет.

– Удобно ли это? Они с мужем не виделись больше недели.

– Не выдумывайте, удобно. Они женаты уже пять лет. Она будет рада, что за столом будут четверо, а не трое. Мой адрес у вас есть. Приходите сейчас. Зачем бродить по Риму?

– Хорошо. Сейчас возьму такси.

Через пятнадцать минут я уже говорил в домашней телефон Эммы. Она живет на третьем этаже стандартного римского дома. Маленькая квартирka: гостиная, спальня, кухня и совмещенные удобства. Но имеется небольшой балкон.

Не знаю, зачем описываю ее квартирку, ничего особенного в ней не происходило.

Эмма была в халате, на голове накручено полотенце.

– Извините, я сейчас приведу себя в порядок. Недавно из душа, не думала, что вы так быстро найдете мой дом.

– Я тут пару лет назад жил рядом три дня, снимал квартиру. Поэтому знал, куда ехать.

Эмма убежала в спальню переодеваться, а я уселся в кресло у стола и осмотрелся вокруг. Обстановка в гостиной не спартанская, но, как бы попроще сказать, не уютная. На стенах нет ни картин, хотя бы дешевеньких, ни безделушек. Видавший виды книжный шкаф только наполовину занят книгами. Второе кресло, тоже придвинутое к столу, отличается

по стилю от того, на котором я сижу. Телевизор, совсем даже не современный, стоит на тумбочке почти рядом с окном. Как смотреть его днем? Не чувствуется, что здесь уже три года живет одинокая женщина. Даже у меня в Израиле более комфортная квартира. Но, может быть, она не чувствует, что это дом, ждет приобретения собственной квартиры и не хочет тратить деньги на обустройство быта. Неудобно было идти на кухню смотреть все остальное. Да и Эмма уже вышла из спальни, одетая в бордовое платье, открывающее правое плечо. Туфли на высоком каблуке. Аккуратно уложенные волосы почти касаются плеч.

– Не скучали? А почему остались в Риме, если здесь вам нечего делать?

– Есть предложение по работе: Лисбет предложила работать с ней в паре. Нет, не подумайте, ничего личного. Просто она почему-то считает, что я ей могу помочь в работе. И вот я жду решения. Она должна согласовать это со своим начальством. Кстати, вы знали, что она агент страховой компании?

– Да, нас мое начальство знакомило, просили по возможности содействовать ее работе.

– А ее каюта случайно оказалась рядом с моей?

– Я думаю, не совсем случайно. На вашей палубе было несколько незанятых кают, но она узнала, что в каюте поселен один глуховатый пожилой джентльмен, и решила, что это будет ей удобно.

Эмма рассмеялась, верхняя губа приподнялась, открывая ровный рядок зубов. В первый раз вижу их.

– Вот как можно ошибиться. Но в результате ей повезло. Нам все рассказали. Возможно, не все, но достаточно. Да, я вам не предложила ничего выпить. Что будете?

– А что имеется?

Эмма пошла на кухню, и я воспользовался возможностью окинуть кухню взглядом. Собственно, та же картина. Чувствуется, что это не самое любимое Эммой место в квартире. Чисто, но уныло. В холодильнике оказалось вино и минеральная вода. От вина я отказался, а стакан воды выпил с удовольствием. После выхода из отеля ничего не пил. Эмма посмотрела на часы:

– Немного рано. До Зои идти пять минут. Но можно не спеша прогуляться.

– Да, разумеется, и зайдем в магазин. Без бутылки хорошего вина я в гости не пойду.

Эмма наклонила голову, улыбнулась:

– Что вы, у нее дома вино всегда имеется. Витторио – муж Зои – хорошо разбирается в винах.

– Все равно, с пустыми руками я не пойду. Тут в двух кварталах был хороший магазин, давайте сначала посетим его.

В магазине был прекрасный выбор. Я не хотел брать местные вина (области Лацио), хотя они считаются прекрасными. Немного надоели также тосканские вина. Остановился

около отдела неаполитанских вин. Хотел взять белое сухое. Пришлось выбирать между «Греко ди Туфо» и «Фьяно ди Авеллино». «Греко ди Туфо» я уже пил, поэтому остановился на бутылке Fiano di Avellino (DOCG). Конечно, хорошо бы было знать, чем нас собирается угощать Зоя, которой Эмма уже сообщила, что мы идем вдвоем. Но хорошее белое сухое в любом случае не будет лишним. Мы еще прогулялись немного и свернули к дому Зои. Он действительно был практически рядом с домом Эммы.

Семья Зои

В дверях нас встречал Витторио. Эмма представила нас. Витторио оказался здоровенным мужчиной лет под пятьдесят, ростом в метр восемьдесят пять, не меньше, и, соответственно, весом поболее ста килограммов. Он энергично потряс мне руку, сказал сначала что-то громко по-итальянски, но потом поправился и на вполне приличном английском сказал, что ему очень приятно, что Зоя уже рассказала ему о моей детективной истории на лайнере. Потом я протянул пакет с бутылкой, и он громогласно заявил, что вино чудесное, очень подходит к приготовленному Зоей ужину.

Зоя помахала нам с Эммой рукой из кухни:

– Я тут заканчиваю, поболтайте без меня.

Эмма ускользнула к Зое на кухню, оставив нас с Витторио одних. Витторио сразу по секрету, но так, что, наверное, и на кухне было слышно, выдал Зоины тайны:

– Зоя готовит ризотто с шампиньонами и курицу с белым сухим вином и лимонами. Ну а ризотто, конечно, тоже на сухом вине. Бутылку я сейчас на кухню не отдам, мы ее с удовольствием разопьем за столом.

После этого он повел меня в кабинет и показал свою коллекцию игрушечных автомобилей. Они занимали целых три полки в шкафу. Я с должным вниманием выслушал историю, как ему удалось приобрести еще довоенную модель од-

ного из первых итальянских автомобилей («фиат» 1902 года). Уже значительно тише он назвал сумму, которую пришлось заплатить (тайком от Зои). Как коллекционер со стажем, я подтвердил, что жены никогда не поймут радость, которую мы испытываем, когда удастся пополнить коллекцию чем-то значительным. Витторио тут же предложил выпить за коллекционирование, вытащил из шкафа начатую бутылку Limoncello di Sorrento производства Villa Massa и пару маленьких рюмок. На мой взгляд, очень приятный ликер, хотя предпочел бы для начала коньяк или хотя бы бренди.

Мы только успели повторить еще раз, как в кабинет грозно вошла Зоя и застала нас на месте преступления:

– Уже пьете и не закусываете? Не стыдно вам? Марш отсюда в гостиную. Что, мы там одни будем сидеть?

Мы поспешили ретироваться. На столе стояли благоухающее ризотто на блюде и украшенная зеленью курица в прозрачном огнеупорном поддоне. А вокруг расставлены еще какие-то вкусные закуски. Я сначала не обратил на них внимание, так как пытался поймать ароматы курицы, благо поддон стоял почти рядом со мной:

– Луковица, чеснок, тимьян и, конечно, лимон. Про белое сухое я не говорю, так как Витторио уже выдал мне этот главный заменитель масла. Но компоненты соуса я не могу определить. Соус мне незнаком.

– Bravo, Андре! Откуда у вас такие познания итальянской кухни?

– Я же холостяк, Зоя. Приходится самому готовить что-то, когда хочется вкусно поужинать или угостить друзей.

– Смотри, Эмма, какой бесценный кадр совсем рядом с тобой. Особенно для тебя, умеющей приготовить только яичницу и кофе.

– Не смейтесь, Зоя, у Эммы имеется куча совсем других достоинств.

– Вам не надоело меня обсуждать? Лучше кушайте Зоино произведение искусства, пока оно не остыло.

Витторио разлил по бокалам «Фьяно ди Авеллино», мы выпили за знакомство и приступили к еде. Ризотто с шампиньонами было чудесным и хорошо сочеталось с курицей. А потом было кофе с тирамису собственного приготовления. Я смотрел на Витторио с Зоей и немного завидовал им. Их радостным лицам, обращенным друг к другу, их соответствию. Действительно, уживаются обычно люди с полностью противоположными характерами. И здесь то же самое. Зоя – жизнь: спокойный, миролюбивый, неконфликтный человек. Витторио – завоевывающий, громогласный победитель. А каков Андрей? Я знаю значение моего имени, знаю свои недостатки: неустойчивый, идущий по жизни играя и улыбаясь, всегда такой, каким его хотят видеть окружающие.

У ЭММЫ

Вечер закончился благодарностями Зое за прекрасный ужин. Мы встали с Эммой и попрощались. До дома Эммы, я уже говорил, совсем недалеко. Мы даже не успели поговорить. Около дома она повернулась ко мне, немного смущаясь:

– Вы спешите к себе? У вас еще есть на сегодня дела?

– Нет, ничего не планирую.

– Может быть, останетесь у меня? Я постелю в гостиной.

Интересно, где она собирается стелить мне в гостиной? Там нет ни кровати, ни дивана. Но на такой вопрос возможен только один ответ:

– Хорошо. Мне завтра утром тоже некуда спешить.

Дивана нет, но кровать-то нормальная, двуспальная. Мне она понравилось.

30 октября, четверг.

Утром я встал раньше Эммы, оставил на стуле пиджак, чтобы она не волновалась зря, если быстро проснется, и пошел на маленький базарчик. Я знаю, где он находится, жил пару лет назад совсем рядом. В этом районе, по-моему, римлян почти нет. Все квартиры сдаются: на два-три дня, на неделю, или, как у Эммы, на целые годы. Базар никуда не ис-

чез. Вероятно, он и до войны был на этом месте, иначе место застроили бы в тридцатые годы. Прошелся по всем его трем рядам и накупил полные руки пакетов с местными произведениями: свежие хлеб и булочки, моцарелла, овощи всех видов, фрукты, молоко, масло, дюжина яиц, бекон, немного твердых копченостей. Ведь у Эммы в холодильнике просто пусто. Впрочем, она ведь долго отсутствовала и не успела сходить в магазин.

Вернувшись, заметил, что Эмма бросилась назад в спальню, когда я входил в квартиру. Застеснялась или не хотела мне портить эффект неожиданности? На скорую руку сварил кофе, приготовил яичницу с беконом, украсил тарелки зеленью, отдельно положил на тарелочку моцареллу и принес все в спальню. Эмма лежала с закрытыми глазами.

– Вставай, вруша. Ты ведь не спишь. Давай будем завтракать.

Эмма медленно открыла глаза:

– Даже не верится, мне никогда в жизни не приносили завтрак в постель. И это безумно приятно.

Но почему и мне это приятно?

Мы уже успели позавтракать, Эмма оделась и мыла на кухне посуду, когда позвонила Лисбет. Я включил громкость, чтобы Эмма тоже слышала, если захочет. У меня нет от нее секретов. Лисбет говорила ровно, четко, возможно, боялась, что я не все услышу:

– Я написала за тебя резюме. Надеюсь, что не слишком в

нем польстила, но воспринято оно в моей конторе положительно. Мне сообщили, что могу привлекать тебя к работе как временного напарника. Так что, если не передумал, прилетай сегодня поздно вечером в Кёльн. Из Рима есть самолет, прибывающий в Кёльн в 10 вечера. Буду встречать. Ты слышишь?

– Да, слышу. Хорошо. Я возьму билет на этот рейс. Если не получится, обязательно перезвоню. А что такое – временный напарник?

– Временный – значит, ты не будешь получать постоянную оплату в периоды, когда не работаешь по конкретному делу. Но это мелочь. Звони в любом случае. Пока.

Надо же. Теперь я на «ты». Вообще-то в английском нет обращения на «вы», но как-то это ощущается. Я попытался везде передать эту трудноощутимую разницу. Подошла из кухни Эмма:

– Вечером улетаешь?

– Да.

– Прилетишь еще в Рим?

– Наверное. Пока не знаю когда, но буду звонить. Тебя трудно застать в Риме. Может быть, встретимся в каком-нибудь порту? Или ты приедешь ко мне. А сегодня давай поедем куда-нибудь вместе.

– Зачем? Я и так все время в дороге.

– Не обязательно уезжать из Рима. Здесь много мест, где можно провести время. Подскажи, куда ты любишь ездить.

– Я не очень хорошо знаю Рим, хоть и прожила здесь несколько лет. Или тебе здесь не нравится? У меня действительно не очень уютно.

– Не то слово. Провести здесь целый день – это подвиг. Давай не будем сегодня стремиться к подвигу.

– Хорошо, поедem, куда скажешь.

Я заказал билет в Кёльн, потом мы несколько часов гуляли по Риму, обедали в крытом ресторанчике на воздухе. Заехали ко мне в отель сдать номер. В соседнем магазине купил все, что нужно, и приготовил очень ранний ужин. Затем такси, самолет, и в 10 вечера меня встречает в Кёльне Лисбет.

Грюнбах

К сожалению, пришлось минут двадцать ждать багаж. В арендованную Лисбет машину мы смогли сесть только в десять сорок. Но ночью дорога почти пустая, дождя нет, видимость прекрасная, и мы доехали до Грюнбаха за час двадцать. Лисбет сняла нам два номера в небольшом отеле Gastehaus Wieghardt на Марктплатц. Собственно, эти два номера когда-то были одной квартирой на втором этаже дома. Позднее квартиру разгородили и сделали из нее два номера с общей небольшой прихожей. Номер Лисбет немного побольше: меблированная гостиная с практически новым телевизором, спальня и удобства. В моем номере гостиная отсутствует. В номере было душно, я сразу же открыл окно. Из окна видна вся маленькая площадь – когда-то центр и самое оживленное место города, превращающееся в воскресенье в рынок для окрестных крестьян. Площадь – на самом деле расширенная часть улицы – окружена старинными домами. По внешнему виду – семнадцатый век. Я это разглядел подробно на следующий день. А пока, распаковав чемодан и переодевшись, постучал в дверь Лисбет. Она тоже успела переодеться и предложила попить чай с бутербродами. Это было весьма кстати, так как ужин был очень ранний, а в самолете не кормили.

Пока грелся чай, Лисбет готовила бутерброды и кратко

вводила меня в курс дела. Оказывается, в соседнем замке пропал меч первого архиепископа Кёльна Хильдебольда. Меч был ранее застрахован на сумму пятьдесят тысяч евро. Но пять лет назад его перестраховали на сумму в полмиллиона евро и исправно платили причитающиеся страховые платежи. В свое время агент страховой компании убедился в надежности хранения артефактов в замке и подтвердил возможность страхования на эту сумму. Руководство замка объясняло увеличение страховой стоимости появлением новых сведений о происхождении меча. И вот теперь, через пять лет, меч пропал. Страховая компания вынуждена была заплатить Немецкому обществу замков всю страховую сумму, но передала вопрос изучения обстоятельств дела Лисбет и ее напарнику, то есть мне. Я поинтересовался:

– Какое будет вознаграждение, если мы найдем меч?

– Как обычно: десятая часть страховой суммы, то есть пятьдесят тысяч евро. Компания оплачивает и все текущие расходы. Нужно учесть, что солидная часть вознаграждения уйдет на налоги. Но все равно сумма будет приличной.

– А какие обязанности лежат на мне?

– Ты, как историк, должен будешь поднять всю информацию о мече, его истории, причинах, по которым резко возросла его страховая стоимость. И, конечно, приглядываться ко всем непонятным вещам, которые, наверняка, окружают это странное исчезновение.

– Не очень понятно, но ладно. Прояснится потом. А что

с системой охраны? Не было ли нарушений, из-за которых можно было не платить страховую сумму?

– Нет, это было исследовано инженерами компании в первую очередь, до выплаты денег. Система полностью работает, все нормально. Витрина, в которой экспонировался меч, тоже полностью цела, нет признаков повреждения. Было однократное отключение электричества за два дня до обнаружения пропажи, но оно было кратковременным и связано с внешними причинами. Кроме того, все комнаты запираются отдельно. Правда, замки не очень сложные. Вход в замок на ночь тоже запирается на два ключа, которые находятся у доверенных лиц.

– То есть пропажа в полностью запертой комнате, как в детективах?

– Но мы и есть детективы, которые должны выяснить все и найти меч.

– А если найти не удастся, если меч давно находится в США и продан тайному коллекционеру?

– Тогда необходимо найти виновных и дать информацию, позволяющую юристам поставить вопрос о возврате страховой суммы. Это тоже результат.

– Понятно, хотя пока мне ничего не понятно.

К этому времени я уже съел два бутерброда, выпил стакан чая и понял, что теперь смогу спокойно уснуть.

31 октября, пятница.

День начался с завтрака. У фрау Эльзы – хозяйки отеля – на первом этаже дома напротив, немаленький для такого небольшого городка ресторан. Хозяйке не больше сорока лет. Ресторан ей достался в наследство от деда. Она не только уверенно руководит им, но за прошедшие годы купила два соседних дома, переоборудовав квартиры под гостиничные номера. Летом почти все номера заполнены – постоянно приезжают из Кёльна люди семьями и большими группами отдохнуть на пару дней, на неделю. Мы получили столик около окна, и я мог рассматривать проснувшихся отдыхающих, группами подходящих к ресторану. Я не хотел ограничиться, как Лисбет, кефиром и булочкой. Попросил более плотный завтрак. И не прогадал. Мне принесли порцию яичницы, на отдельной тарелочке была зелень трех сортов. Колбаса салями заслуживала самых высоких похвал: нежная, совсем не такая твердая, какую мы обычно покупаем в магазине, и аромат... Я запомнил аромат этой колбасы домашнего приготовления на всю жизнь. И булочки: мне кажется, я никогда не ел такие вкусные свежайшие булочки... а к кофе мне предложили мороженное, но я отказался. Это был бы уже перебор.

Меч из замка Витсбург

Замок Витсбург виден из любой точки Грюнбаха. Кажется, что он вот, рядом. Но мы ехали к нему почти десять минут. Дорога петляла. Я бы в одном месте повернул совсем в другую сторону, но Лисбет уже была в замке и знает дорогу. Мы подъехали почти к самому замку и оставили машину на стоянке. В замок на машине проехать нельзя. Интересно, а как в него ввозят строительные материалы? Неужели до сих пор на лошадях? Для лошадей действительно имеется дорога. В одном месте даже специально для рыцарских лошадей дорога сделана в виде ступенек, чтобы лошади с рыцарями не скользили. Но это я узнал потом. А пока мы стояли у внешних ворот и ждали представителя замка.

Из ворот к нам вышел дородный чопорный мужчина в сером костюме с темно-красным галстуком и зеленоватой тирольской шляпой (без пера). Лисбет представила ему меня как своего напарника, известного историка доктора Андре Шпильмана, а его – как управляющего всем замковым хозяйством господина Иоганна Брукмайера. Господин Брукмайер церемонно приподнял свою шляпу:

– Я рад приветствовать в замке уважаемых специалистов. Надеюсь, что это недоразумение с прекрасным, важнейшим экспонатом замка закончится благополучно. А теперь я покажу вам весь замок.

Мы прошли через подъемный мост, пару ворот, поднялись по этому самому «лошадиному» подъему, прошли через анфиладу двориков и небольших помещений и вышли во внутренний двор. Я сразу попросил подготовить для нас поэтажные планы замка и более старые планы, если такие имеются. Господин Брукмайер тут же отдал распоряжение откуда-то появившемуся молодому клерку подготовить планы. А потом была полтора часовая экскурсия, которую проводил лично хозяин замка. Скажу сразу, что после этого хождения по разным этажам у меня все помещения замка: кузница, кухня, винный подвал, личные покои графов, оружейная, капелла и прочее и прочее смешались в голове. Когда мы во дворе замка прощались с господином Брукмайером, Лисбет поблагодарила его за очень полезную экскурсию и попросила разрешения осмотреть в ближайшие дни все помещения подробно в сопровождении кого-то из служащих. В это время молодой служащий принес планы замка. Господин Брукмайер представил нам его, назвав Максом – младшим смотрителем, и сказал, что он будет все эти дни в нашем распоряжении.

Время шло к обеду, мы с Лисбет попрощались с любезным хозяином и отправились в отель. Обед был очень вкусный. Не буду описывать его, чтобы не травмировать читателя. Такой обед не получишь в больших городах, особенно переполненных туристами. После обеда мы сели с Лисбет у нее в гостиной, тщательно изучили полученные планы и об-

менялись мнениями по поводу дальнейших действий. Я попросил у Лисбет ее ноутбук, сказав, что мне на сегодня хватит живых впечатлений, хочу посмотреть, что я смогу выявить по нашему делу в интернете. Лисбет согласилась со мной. Сама она собиралась навеститься к местному руководителю полиции и расспросить обо всех важных и не очень полицейских делах и донесениях последнего времени.

Встретились мы уже перед ужином. Лисбет была недовольна результатами своего похода в полицию. В Грюнбахе имеется только полицейский пост, в котором, после непродолжительной беседы, ее отправили за информацией в уголовную инспекцию. Ближайшая уголовная инспекция находится в районном центре. Это в пятнадцати километрах от Грюнбаха. Но в уголовной инспекции начальник – полицейский предпенсионного возраста – сказал ей:

– Никаких серьезных инцидентов в Грюнбахе за последнее время не было. Да, были драки между подвыпившими туристами. Пару раз даже привозили их сюда для разбирательства. Но они всегда кончались мировым соглашением. Никто не хочет впутывать в происшедшее полицию. Это в Кёльне или хотя бы в Кобленце бывают происшествия. А у нас в районе, слава Богу, все спокойно.

– Врет, конечно, думаю, просто стараются фиксировать поменьше происшествий. Придется здесь искать концы.

Я тоже поделился прочитанным в интернете:

– Считается, что меч, подаренный в 791 году Карлом Ве-

ликим Хильдебольду, ранее принадлежал королям лангобардов. Хильдебольд просил этот меч, потому что он связан с какой-то церковной легендой. Что за легенда, я пока не выяснил. Меч содержался в сокровищнице архиепископов Кёльнских. Он был утерян после того, как норманны захватили в 881 году Кёльн и разграбили город и окрестности. В замке Витсбург появился через несколько столетий – в самом конце XIII века, после того как замок перешел в собственность графов Катценелнбоген. На основании чего было решено, что это тот самый меч, я пока не выяснил. Не ясно также, почему, если он такой важный, его не забрали ландграфы Гессена, когда замок в 1479 году перешел в их собственность. Ведь они забрали библиотеку и все ценное из замка. А здесь было что забирать – это был любимый замок Филиппа, последнего графа Катценелнбоген, кстати, очень богатого.

– Возможно, пять лет назад узнали что-то, связанное с легендой о мече. Поэтому подняли страховую стоимость в десять раз.

– Придется мне искать это «что-то». Если кто-то нашел, значит, можно найти еще раз. Завтра я познакомлюсь с библиотекой и архивом замка. Заодно и с хранителем библиотеки.

– А я детально пройду по помещениям. Меч исчез: спрятали его или вынесли – все равно должны остаться какие-то следы.

– Заодно проверь соответствие планов и реальных помещений. Вдруг планы устарели. Может быть, найдется хоть маленькая зацепка.

Ужин был великолепный. Сижу расслабленный после кружки пива:

– Мне все больше нравится ресторан.

– И его хозяйка?

– Не ехидничай, Лиззи. Да, и его заботливая хозяйка. Но, возможно, она проявляет такое внимание к нам, потому что это обычные дни? В субботние, воскресные дни приезжает, как она нам говорила, много отдыхающих из Кёльна. Заполняется весь отель. Ей будет некогда.

После ужина пошли с Лисбет гулять на набережную. Весьма прохладно, но дождя нет, хотя уже поздняя осень. Собственно, набережная совсем небольшая, от пристани до небольшого мыса. На ней парк с молодыми деревьями, чисто, много скамеек. Приятно гулять и обмениваться мыслями. Правда, мыслей не так уж много. Мы еще не чувствуем дело, слишком мало информации. Со смехом вспомнили круиз на лайнере. Я живо описал, как сочувствовал Лисбет, как мне хотелось, чтобы она подцепила достойную пару. И как мне не нравились абсолютно все мнимые претенденты на ее руку. А Лисбет поддела меня, вспомнив мое первое знакомство с Эммой. Оказывается, ей «по секрету» рассказала все одна из сотрудниц Эммы.

Вечером в Грюнбахе делать абсолютно нечего, если у те-

бя нет подруги. Мы с Лисбет почти друзья, но эта дружба совсем другого свойства. Поэтому решили съездить в Кобленц – развеяться. Лучше бы было в Кёльн, но слишком уж далеко. А до Кобленца десяток километров. Кобленц расположен при впадении Мозеля в Рейн. Чтобы попасть в центр, пришлось перебраться на другую сторону Рейна. Не выбирали долго ресторан. Зашли в ближайшую пивную около места, где удалось припарковаться. Это недалеко от набережной Мозеля. Ближайшей пивной оказалась «Альтес Браухауз» на Браугассе. Заведение почтенного возраста – открылось в 1689 году. Заказали пиво, а я дополнительно порцию ветчины. Пиво и ветчину принесли почти мгновенно. Ветчина свежайшая, изумительный запах, но порция чрезмерно большая. Это не просто ветчина. На блюде и разнообразная зелень, и пюре из картошки, и небольшое море соуса. А порция ветчины оказалась соответствующей отнюдь не моему животу. Долго уговаривал:

– Лиззи, ну хоть чуть-чуть помоги. Я ведь не съем.

Согласилась, только когда нам принесли по второй кружке пива. Пиво здесь собственной варки, очень приятное. Но третью кружку мы бы не осилили. После ресторана пошли к набережной Мозеля и по ней к месту слияния Рейна и Мозеля, называемому «Немецкий угол». Собственно, на площадку, на самый кончик «угла» не пошли, остановились около весьма неприглядной гигантской статуи Вильгельма I, стоящей на трехэтажном постаменте, поглядели на крепость

Эренбрайтштайн, возвышающуюся на правом берегу Рейна. Все, делать больше нечего и в Кобленце. Вернулись к машине и поехали под небольшим дождичком домой.

Прежде чем разошлись по своим номерам, я попросил Лисбет взять у управляющего список служащих, принятых на работу за последние пять лет, и выяснить, где находится документация замка: переписка со сторонними организациями, акты инвентаризации, приказы по замку и прочее за последние шесть лет. Осталась ли она в замке или сдана в архив? Если сдана в архив, то в архив замка или другой? Лисбет обещала не забыть мою просьбу.

Первые следы

1 ноября, суббота.

Утро опять началось с приятного завтрака. Возможно, нам предстоит так питаться пару недель. Вместе поехали в замок, где нас уже знали на входе и пропустили без сопровождающих во внутренний двор. Там к нам вышел Макс, проводил меня в библиотеку замка, познакомил с библиотекарем – седым сухощавым немцем по имени Гюнтер Либкнехт – и повел Лисбет снова осматривать все помещения.

Библиотека занимает две комнаты на втором этаже так называемого романского дворца. В одной разместился рабочий кабинет библиотекаря, в другой – побольше – собственно библиотека и архив в отгороженном запертом помещении. Гюнтер сразу сказал, что книги библиотеки я могу смотреть, но к архиву он допустит меня только по письменному разрешению господина Брукмайера. Я заверил Гюнтера, что понимаю его озабоченность судьбой архива. Для меня пока достаточно будет осмотреть книжный фонд и побеседовать с ним о структуре и содержании документов архива.

Книги я проглядел – читал названия и пролистывал некоторые из них – достаточно быстро. Я не надеялся найти в них что-то интересное. Хотя, конечно, там были великолепные

издания XVIII–XIX веков, но для меня они не представляли интереса. В них авторы не касались замка или нашего архиепископа. Я был уверен, что издания XVII века и рукописи сосредоточены в архиве. Поэтому большую часть времени до обеда пытался разговаривать Гюнтера. Это было очень трудно. У меня не так уж хорош немецкий разговорный язык, к тому же в речи Гюнтера сильно ощущался швабский диалект, и это мне мешало. Все-таки выяснил, что Гюнтер два года назад заменил прежнего библиотекаря, который умер по дороге домой из пивной. Фридрих Гампнер – прежний библиотекарь – был уже в пенсионном возрасте, работал в замке с восьмидесяти лет. Он много лет занимался историей замкового строительства в землях Верхнего и Среднего Рейна, защитил по этой тематике докторскую диссертацию. Его приглашали преподавать в Кёльнский университет, но он не захотел менять свои привычки, уходить с насиженного места. Именно Фридрих доказывал когда-то идентичность хранимого в замке меча и меча, подаренного Хильдебольду Карлом Великим. Естественно, что я спросил:

– В какой работе отражены доводы Фридриха?

– Фридрих выступал с докладом на заседании ученого совета Марбургского университета, но так и не опубликовал работу со своим обоснованием. Тезисы выступления Фридриха я не нашел в его черновиках.

– А у вас имеется по этому поводу собственное мнение?

– Я не доктор философии. Мое мнение вряд ли кого-ни-

будь заинтересует.

– Вы не правы. Меня оно интересует.

– Не знаю. Я не очень знаком с этим вопросом. Но думаю, что он что-то нашел в старых работах.

– В старых работах, содержащихся в архиве замка?

– Нет, в архиве я ничего не нашел. Думаю, он ездил в Марбург и Кассель, занимался в архивах ландграфов Гессена.

– Почему там?

– Видите ли, в 1479 году умер без наследника мужского рода Филипп – последний граф Катценелнбоген, и замок перешел в руки его зятя Генриха фон Гессена. Генрих забрал из замка все ценные вещи, в том числе всю библиотеку и архив. Поэтому у нас в архиве практически нет старых рукописей.

– Достойно сожаления. Но, как говорил один знаменитый писатель, «рукописи не горят».

– Еще как горят. В 881 году, когда норманны захватили Кёльн, сколько рукописей они уничтожили? Их интересовали только драгоценные металлы, оружие и одежда.

– Это просто метафорическое выражение. В том смысле, что всегда остается след: копия или цитаты в других рукописях.

– Возможно.

До обеда мне не удалось больше ничего узнать у Гюнтера. Перед тем как уехать на обед, мы с Лисбет зашли к господину Брукмайеру и попросили дать мне письменное разрешение работать в архиве. Он пообещал, что такое разреше-

ние после обеда будет передано в библиотеку. Относительно принятых в последнее время на работу он рассмеялся и сказал, что приняты за последние годы на работу только Гюнтер Либкнехт, после смерти Гампнера, и Макс. Когда я пояснил Лисбет, что Гампнер умер «по дороге домой из пивной», она сразу же спросила, было ли вскрытие. Брукмайер сухо заметил:

– Гюнтер был стар, всегда жаловался на сердце. Не было оснований производить вскрытие.

По дороге домой Лисбет сообщила, что она детально рассмотрела пока только первый и второй этажи здания «рейнской стороны». Ничего интересного не нашла, но не видела еще подвал и чердак, с которого имеется единственный переход в бергфрид – главную башню замка. Все размеры комнат полностью соответствуют указанным на планах. Нет никаких секретных помещений. Она начала осмотр там, так как меч хранился в отдельном шкафу именно в оружейном зале этого здания. Я тоже сказал, что ничего пока не нашел, вероятно, нужно будет съездить в Марбургский университет и в архивы в Марбурге и Касселе, выяснить там судьбу библиотеки, вывезенной из замка Генрихом фон Гессеном. Заодно понять, почему он не забрал и меч, если тот представлял такую ценность.

После обеда Лисбет снова пошла в то же здание, а я вернулся в библиотеку. Гюнтер подтвердил, что получил разрешение на мой допуск в архив, и открыл дверь архива. Весь

архив размещается в четырех шкафах. В одном, самом маленьком, старые рукописи и наиболее ценные книги. В трех других – документация замка. Мне интересно и то, и другое. Я попросил описи содержимого шкафов. Описи оказались в идеальном порядке. Обратился сначала к шкафу с самыми последними документами. Оказалось, что в шкафу содержатся документы с 1945 по 2010 год. Более новые документы, как объяснил мне Гюнтер, находятся в канцелярии. Их сдают в архив по истечении трех лет.

В первую очередь меня интересовали документы 2007, 2008 годов, когда было принято решение об увеличении страховой стоимости меча. С немецкой аккуратностью все документы, относящиеся к этому делу, были включены в тоненькую папку № 2008. 15А. Я открыл папку, ознакомился с оглавлением и начал листать документы в поисках докладной записки доктора Фридриха Гампнера «О мече архиепископа Хильдебольда». К моему удивлению, записки в деле не оказалось. Отсутствовали страницы с пятой по восьмую. Кроме нее в папке отсутствовала докладная записка, направленная в Немецкое Общество Замков. Я сразу же показал папку Гюнтеру. Он с изумлением (настоящим или деланным) пролистал всю папку:

- Действительно, документы изъяты!
- Кем? Кто имеет такое право?
- В папке отсутствует запись об изъятии документов. Я посмотрю в книге ознакомления с документами.

Посторонние лица чрезвычайно редко обращаются в архив. Каждое обращение к определенным папкам фиксируется в отдельной книге. Гюнтер просмотрел все немногочисленные записи в книге выдачи папок из архива за 2007–2014 годы. Никаких записей об ознакомлении с этой папкой в книге не оказалось. Следовательно, изъятие страниц незаконное. Это уже след. Неявный, слабый, но след. Гюнтер сразу заявил, что поставит в известность управляющего замком.

После этого я начал искать в каталоге папку с делом доктора Фридриха Гампнера. Гюнтер помог мне без каталога. Он знал, когда она была начата и где лежит. Меня интересовал период с 2005 года и до его кончины. Но ничего интересного в папке не было. Сухие документы. Отсутствующих листов нет. Затем я попросил Гюнтера найти папки с перечнем командировок сотрудников замка с 2000 года. В нескольких папках обнаружались записи о командировках доктора Фридриха Гампнера в архив Касселя, а также трех командировках в Марбургский университет. Значит, и мне туда нужно ехать.

Я попросил Гюнтера найти в библиотеке диссертацию Гампнера. Гюнтер удивился:

– Зачем? Она написана давно. Тогда не было речи об идентичности меча.

– Я хочу проникнуться духом, рассуждениями доктора Гампнера.

Гюнтер пожал плечами, но диссертацию принес. Я начал

листать ее, просматривая заголовки и прилагаемые схемы, фотографии. Особенно детально смотрел и даже читал главу, посвященную истории развития замка Витсбург. Перевернув одну из страниц, увидел, что текст не связан с прочитанным раньше. Посмотрел номера страниц и удивился: один лист так аккуратно вырезан, что с первого взгляда и не обнаружишь его отсутствия. Не хватало и одной схемы. То есть за схемой XVII следовала схема XIX. Еще один след. Но это уже легче проверить. Ведь имеются другие экземпляры диссертации, например, в библиотеке Марбургского университета. Вероятно, здесь была информация, проливающая свет на какие-то странные элементы истории меча. Почему меча? Ну кому потребуется вырезать страницу, если она не связана с преступлением?

Еще раз прочитал текст предшествующей страницы. На ней пересказывалась давняя легенда о красавице Элизабет, дочери хозяина Витсбурга, которая была невестой славного рыцаря, отправившегося на войну по приказу императора. Рыцарь не вернулся, а вместо него явился другой человек, назвавшийся Паулем – двоюродным братом жениха Элизабет, который в деталях рассказал о его смерти. Через некоторое время Элизабет согласилась выйти замуж за Пауля. Однако во время венчания, когда священник хотел осенить молодых крестом, Пауль взвыл и провалился под землю. Конечно, нечистый испугался креста. Дальше для меня было неинтересно. Речь шла о том, что жених вернулся домой, но Эли-

забет уже постриглась в монахини. В легенде был частично завязан и святой Вит, в честь которого и был переименован позднее замок.

Я всегда считал, что каждая легенда основывается на реальных событиях, обрастающих позднее новыми деталями и небылицами. Поэтому такая «реалистичная» деталь, как проваливающийся под землю человек, меня очень заинтересовала. Тем более что следом шла вырезанная страница, которая, вероятно, имела отношение к этой трагической истории. Записал номер вырезанной страницы и номер изъятой схемы. Кстати, страница была вырезана из параграфа, посвященного истории замка романского периода.

Немного о жизни Лисбет

Закончился рабочий день Гюнтера, и мне было неудобно задерживать его дальше на работе. Только спросил, работает ли он на следующий день. Гюнтер ответил, что по воскресеньям он не работает, собирается поехать к своей тетушке, живущей в западной части Баварии. Я раскланялся с ним и вышел во двор. Лисбет была уже во дворе и о чем-то беседовала с Максом. Мы попрощались с ним и пошли к машине.

В машине Лисбет разочарованно сообщила:

– Детально обследовала чердак и переход в бергфрид. Ничего примечательного. В подвале была в древней готической пекарне и помещении около колодца. Даже спускалась в него. Тоже без результатов. А что у тебя?

– Имеются странные события. Кто-то уничтожил несколько листов в архивной папке с материалами по увеличению страховой стоимости меча. Кроме того, в диссертации доктора Гампнера вырезан один лист и изъята одна схема. По моему мнению, это, безусловно, связано с исчезновением меча.

– Очень подозрительно. Придется искать другой экземпляр диссертации?

– Да, нужно ехать в Марбургский университет. Да и поискать архивы ландграфов Гессенских неплохо было бы. Может быть, там найдем перечни привезенных из замка вещей и книг. Не зря же Гампнер ездил многократно и в Марбург, и

в Кассель. Кстати, завтра Гюнтер не работает, так что я в архив и библиотеку не смогу попасть. А замок работает для туристов. Может быть, вместе посмотрим подвалы романского дворца? Ты закончила смотреть свое здание?

– Да, там больше пока делать нечего. Хорошо, будем смотреть вместе. Но на схемах там нет ничего особенного.

– А сегодня вечером я хочу пойти в местный пивной бар. Поискать, где собираются уважаемые люди города.

– Почему без меня? Мне в бар нельзя?

– Ты слишком красивая. Все внимание будет на тебя, и люди будут стесняться говорить глупости.

– Глупости? Зачем тебе слушать глупости?

– Когда люди раскрепощены, и говорят что попало, можно иногда услышать интересные вещи. Кроме того, я хочу познакомиться с местным начальством. Посмотреть на него. Ведь ты для этого и наняла меня?

– Я тебя не нанимала. Ты равноправный партнер в нашем деле. Но одной мне будет скучно.

– Послушай по телевизору какую-нибудь оперу. Или посмотри балет.

– Смеешься?

– Отнюдь. Мне это часто помогает привести в порядок мысли. Кстати, я сегодня прочитал такую сказку про твою тещу. Блеск!

Я уже хотел рассказывать, но мы подъехали к отелю.

– За ужином расскажу.

Ужин прошел спокойно. Хозяйка как всегда порадовала нас новыми блюдами. Откуда у нее такое множество рецептов? Особенно были хороши фаршированные ножки гуся. Никогда не ел подобное блюдо. Даже не подозревал о его существовании. А к кофе были поданы свежайшие домашние пирожные. Если буду продолжать так питаться, поправлюсь еще на пару килограммов. Пока наслаждались кофе, я рассказал легенду об Элизабет.

– Видишь, твоя тетка. И какой печальный финал. Ты не опасаясь, что закончишь жизнь, если не монахиней, так одинокой старушкой?

– Нет, не опасаясь. Почему этого нужно опасаться? Я не одинока. Я дружна с Джоном, кузеном моего бывшего мужа. У меня есть племянник в США. Не родной – сын Джона, – но мы с ним регулярно переписываемся. То есть регулярно поздравляем друг друга на Рождество.

– По интернету?

– Да, а что в том плохого?

– Лиззи, расскажи хоть немного о себе. Ты же обо мне знаешь почти все. А я о тебе не знаю ничего.

– Нечего рассказывать. Ничего интересного.

– Неправда. В жизни каждого имеются интересные события. Ну хоть скажи, как ты стала графиней Колсберг? Я уверен, что твои родители не титулованные дворяне.

– Почему ты так думаешь?

– Пока не надеваешь свои «драгоценности», тебя никак

нельзя отнести к графиням. Ты работаешь. У тебя мужская хватка. Ты уверена в себе, стремишься к независимости.

– Все просто. Мои родители действительно никакие не дворяне. Отец – Генри Фармер – удачливый инженер. Что-то там изобрел в области защиты объектов. Получал хорошие заказы от правительства. В пятьдесят пять лет отошел от дел, продал фирму и купил небольшое поместье в Северном Хартфордшире. Приятная деревня Лилли в очень богатом графстве. Денег более чем достаточно. Я у родителей поздняя, единственная. Мама – Нэнси Фармер – никогда не работала, читала книжки. «Французские новеллы», как посмеивался отец. Вся была в мечтах о дворянской жизни, как она описывалась в ее книгах. В восемнадцать лет, сразу после закрытой католической школы, меня – дуру – выдали за немолодого графа Вильяма Колсберга. Я тогда тоже, вслед за мамой, почитывала такие книжки. Мечтала о семейной жизни в красивом небольшом замке. А муж через две недели после свадьбы укатил во Францию. Там у него, оказывается, была вторая семья, вернее любовница с дочерью. Согласно контракту он полностью распорядился моим немалым приданым. Хватило ему на три года. Отец у меня был крутой – сразу подал документы на развод. Но согласно тому же контракту у меня остался титул графини. А потом пошла учиться, начала работать. Кстати, у моего покойного мужа неплохие родственники. Принимают меня как графиню Колсберг. Пытались помочь. Джон даже устроил меня после колледжа

на работу в фирму, где я работаю и сейчас. Вот и вся моя история.

– Покойного мужа?

– Он умер лет пять назад. Я, собственно, не встречалась с ним после его отъезда ни разу. Говорят, он последние годы бедствовал, жил на подачки родственников. Любовница его бросила, разумеется.

– Знаешь, грустная история. Не графа, твоя история. Особенно то, что ты не упомянула о других отношениях, о других мужчинах.

– Сначала времени не было. Старалась доказать себе и отцу, что могу сама пробиваться в жизни. А потом? Потом как-то не встречала хорошего мужчину. Нет, не смейся, мужчины были, двое, как же без них. Но такого, чтобы связать себя с ним узами брака, не встречала.

– А родители живы?

– Отец умер, а мама живет все в том же поместье. У нее все хорошо, денег достаточно. У нее во флигеле живет с мужем дальняя родственница, помогает ей, скрашивает сельскую жизнь. Да и соседи имеются. Она не жалуется. Я к ней заезжаю иногда на Рождество.

– И не говорит, что хотела бы внучку?

– Еще как говорит. При каждой встрече и при каждом разговоре. Но в этом я ей не могу помочь.

– Что так? Что-то по женской части?

– Нет, не хочу от случайного мужика родить. Да и не к

чему мне это. Совсем другие заботы. Все, хватит об этом.
Иди-ка ты в свой пивной бар.

Пивной бар

И я пошел. Но сначала долго выпрашивал у хозяйки, куда ходят местные мужчины. Она сначала не могла понять, зачем это мне? Считала нас с Лиззи счастливой парочкой, сбежавшей подальше в глушь, чтобы побыть вместе. И вдруг я убегаю от нее, ищу мужское общество. Но все же объяснила. Такси здесь не дождешься в субботу, поэтому я пошел пешком, хотя накрапывал дождичек. Благо было недалеко. Собственно, в этом городишке все недалеко.

В пивной, когда я зашел, было немногочленно. Да и само помещение не предназначено для шумной толпы. Два столика слева от входа и один столик побольше – справа. Вокруг него шесть стульев. Слева два молодых парня молча пьют свои вторые кружки. Первые рядом, уже пустые. За правым столом неторопливо разговаривают двое почтенных бюргеров. Одного я узнал. Это господин Брукмайер – управляющий замком. Его сосед, судя по одежде, священник. Местные жители испокон веков лютеране, но я не очень четко знаю, как его называть: пастор, евангелический священник или как-то по-другому.

Брукмайер увидел меня и приветливо помахал рукой, приглашая сесть рядом. Наверное, правильно, я ведь приезжий, уважаемый историк. Да и возраст соответствующий. Но это то, что мне нужно. Общество уважаемых и уважаю-

щих себя бургеров, неторопливая беседа за кружкой доброго немецкого пива. Пастор рассказывал длинную историю о сердобольной прихожанке, которая приютила у себя беженку из Ливии, и пытается ввести ее в истинную веру. Мы с интересом слушали историю, запивая маленькими глотками пива. Потом я заказал для всех троих еще по кружке. Хорошее пиво располагает к дружеской беседе. Я спросил пастора:

– Как посещает службы новая прихожанка из Ливии?

– Почти как все, но чаще.

– А все?

– Обычно в воскресенье на службу приходит не менее пяти-шести процентов прихожан. Для нашего помещения это нормально. Не пусто. Хотелось бы больше, но это значительно лучше, чем в евангелических приходах Саксонии или Берлина. Однако в большие праздники, на Рождество например, церковь не вмещает всех желающих. Приходится верующим приходиться пораньше, чтобы занять место.

Я обратился к Брукмайеру:

– А как служащие замка? Ходят в воскресенье в церковь? Ведь многие работают с туристами.

– Ходят те, кто не работает в воскресенье. Те, кто работают в помещениях Общества, в романском дворце.

– И господин библиотекарь в том числе?

– Нет, господин Либкнехт – католик. Он из швабов, они там почти все католики.

– Понятно. А новая прихожанка понимает, что читают во

время службы?

Я обратился уже к священнику.

– Конечно, нет. Она еще плохо знает немецкий язык. Но она старается. Она будет хорошей лютеранкой.

О моем вероисповедании они тактично не спрашивали. Я хотел заказать еще по кружке, но Брукмайер запротестовал:

– Нет, так не положено. Теперь закажу я.

Мы уже хотели пригубить содержимое третьей кружки (у пастора и Брукмайера это была, вероятно, четвертая), но в пивную вошел, снял фуражку, аккуратно сложил мокрый зонт и привычно сел за наш стол полицейский. Я с ним не был знаком, но догадался, что это начальник полицейского поста в городе. К нему сразу обратился пастор:

– Что нового расскажете нам, господин Шульцмахер? Вы у нас источник всех новостей.

– Я думаю, вы могли бы быть для нас источником. Ведь это вам все наши кумушки приносят самые свежие новости.

– И небылицы. К сожалению, не могу вам рассказывать. Вы бы со смеху покатались, если бы услышали, что они мне рассказывают. А я слушаю с вниманием и сочувствием.

– Да, такая у вас служба. Я у себя на службе не могу сочувствовать моим «клиентам».

Я начал чувствовать, что не смогу выпить третью кружку. Как эти мужики спокойно пьют четвертую кружку, да еще с таким удовольствием? Внимательный пастор тихо подсказал мне:

– Вам туда, слева от стойки имеется дверь.

Я с благодарностью последовал его совету. Жить сразу стало веселее. Теперь я спокойно мог слушать разглагольствования полицейского начальника о еженедельных набегах туристов из Кёльна и даже из Франкфурта. С удивлением узнал, что не все немцы законопослушны. Ну, может быть, не немцы, а иммигранты, заплонившие благодатные немецкие земли. Он продолжал:

– Вот вчера, два каких-то турка или курда, кто их разберет, устроили драку возле ресторана. Пришлось их привести в помещение поста. Но ведь у нас нет переводчика. Разве поймешь, кто из них прав, а кто виноват? Пришлось отпустить обоих. Только внушение сделали, да они ничего и не поняли из наших слов.

Я не удержался и спросил:

– Это, наверное, были случайные люди, приехавшие на день-другой?

– Да, и непонятно, что им нужно. Может быть, искали работу. Но у нас своим работы не хватает.

– А имеются люди без определенных занятий, приехавшие надолго? Но не отдыхающие немцы, а сторонние люди.

– Вы интересуетесь в связи с происшествием в замке?

– Вы очень проникательны.

– Если люди ведут себя нормально, не мешают другим, не буянят, зачем нам ими интересоваться. Других забот хватает.

– Но, если случайно вам покажется что-то странным, сообщите нам или господину Брукмайеру.

– Вам бы лучше поинтересоваться у господина пастора. Он знает о людях нашего города значительно больше, чем я. С ним здороваются все и рассказывают всё. А у меня нет времени на разговоры.

Опасная прогулка

Мы все немного посмеялись. Беседа становилась для меня неинтересной, больше я ничего не узнаю. Для приличия я еще посидел несколько минут, слушая неторопливые рассуждения пастора, с благодарностью за хорошую компанию распрощался со всеми и вышел под дождь. Хорошо, что хоть идти недалеко.

Лисбет была не в настроении. Сидеть без дела, слушать оперу, как я посоветовал, – это не для нее. Но что делать вечером в этом тихом месте? Правда, место уже нельзя назвать тихим. Приехавшая большая компания кёльнцев расположилась за столами под навесом перед рестораном, уже хорошо зарядилась пивом и орет песни. Плевать им на дождь. И хор этот ну очень нестройный. Я-то после трех кружек пива в хорошем настроении. Возможно, даже присоединился бы к ним. Но для Лисбет это слишком тягостно. Она говорит мне:

– Давай уедем куда-нибудь. Хоть на часок. Не могу их выслушивать больше ни минуты.

– Куда можно уехать в девять часов вечера? Ума не приложу.

– Хоть в Кёльн, хоть просто километров на пятьдесят на север и вернуться. Может, они к тому времени устанут.

– Хорошо. Только ты за рулем, а я буду штурманом. Мне после трех кружек пива встречаться с дорожной полицией не

хочется. Поедем через Кобленц до Бонна по левому берегу, развернемся там и спокойно вернемся по правому берегу. Только езжай потихоньку, на дорогах скользко.

– Пожалуйста, не учи меня, как ездить.

Собственно, так бы мы и сделали. Но когда около Кобленца переезжали на левый берег, я заметил серый «фольксваген», который свернул почти сразу за нами на мост. Без приключений добрались до Бонна, однако, когда Лисбет два раза повернула по его опустевшим из-за дождя улицам, обнаружили, что серый «фольксваген» опять сидит у нас на хвосте. Теперь мы не можем просто так переехать на правый берег и вернуться домой. Я попросил Лисбет оторваться от преследующей машины. Она два раза круто свернула на перекрестках и спряталась в узком проезде между домами. «Фольксваген» проскочил мимо. Мы уже хотели выезжать, но следом за фольксвагеном мимо нас проехал синий «вольво». Что это? Повторение истории в Валенсии?

Лисбет тихо выехала из проезда и поехала за «вольво». Далеко впереди «фольксваген» притормозил на перекрестке. Наверное, думают – куда ехать. Притормозил и «вольво», а следом и мы. Теперь нужно срочно отрываться от этой парочки. Я ничего не подсказываю Лисбет. Чувствую, что она лучше меня разбирается в подобных ситуациях. Действительно, она круто въехала в чей-то двор, развернулась там и поехала в обратную сторону. Мы еще немного попетляли по сонному городу, вырвались на мост и на большой скорости

поехали по правому берегу домой.

Скуки как не бывало. Мы и расстроены, и возбуждены. На всякий случай спросил Лисбет:

– Не твоя ли группа поддержки была на «фольксвагене»? Как в Валенсии.

– Нет. Теперь здесь только мы с тобой.

Зачем мы ездили? Просто так, не хотелось сидеть в четырех стенах. Быть в Грюнбахе вечером без дела – хуже, чем на круизном лайнере. Но теперь многое изменилось. Еще только одиннадцать часов. Мы сидим у Лисбет в номере, обсуждаем ситуацию и завтрашний день. Первый вывод: меч еще в замке или в городе. Иначе что здесь делает одна или две неизвестные нам группы. Очевидно – ищут меч. И действуют нагло. К сожалению, номера машин мы не смогли увидеть. Они были заляпаны грязью. Еще одно подтверждение, что это не были люди, связанные с полицией или другими официальными службами. Неясно, стоит ли нам посвящать в это событие полицию. Лисбет категорически против. Второй вывод: эта группа (или две группы) знает нас с Лисбет, знает нашу миссию и находится в городе. Нужно быть осторожными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.